

ОТ АВТОРА КНИГ «ИСКАЖЕННЫЕ СЛОВА ИИСУСА»,
«ИИСУС: ПРЕРВАННОЕ СЛОВО», «А БЫЛ ЛИ ИИСУС?»,
«ВЕЛИКИЙ ОБМАН»

БАРТ ЭРМАН

КАК ИИСУС СТАЛ БОГОМ

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ И КАК РАЗВИВАЛИСЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ХРИСТЕ, СТАВШИЕ ДОГМАМИ

Религиозный бестселлер

Барт Эрман

Как Иисус стал богом

«ЭКСМО»

2014

УДК 232
ББК 86.37

Эрман Б. Д.

Как Иисус стал богом / Б. Д. Эрман — «Эксмо»,
2014 — (Религиозный бестселлер)

ISBN 978-5-699-70880-2

Иисус был проповедником из низших слоев общества, жившим в глубинке сельской Галилеи, осужденным за нарушение закона и распятым за преступления перед римским государством. Однако вскоре после его смерти его последователи стали утверждать, что Иисус был божественным существом. Впоследствии они заявили, что Иисус был не кем иным, как самим Богом, Творцом неба и земли. Каким образом о распятом крестьянине стали думать как о Господе, начале всех вещей? Эта книга – исчерпывающий компетентный рассказ о том, как появились и развивались представления об Иисусе из Назарета среди его последователей после казни учителя.

УДК 232
ББК 86.37

ISBN 978-5-699-70880-2

© Эрман Б. Д., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Глава 1	12
Об одной необычной жизни	13
Исторический и легендарный Аполлоний	13
Аполлоний и Иисус	15
Три модели «божественных мужей»	17
Боги, ставшие на время людьми	17
Божественные существа, рожденные от бога и смертной женщины	19
Человек, ставший божеством	20
Ромул	20
Юлий Цезарь	21
Цезарь Август	22
Кульст императора	23
Человек, не являющийся правителем: о кончине	26
Перегрина	
Божественные мужи в греческом и римском мире	29
Божественная пирамида	30
Иисус и сфера божественного	32
Глава 2	34
Иудаизм в Древнем мире	36
Широко распространенные иудейские верования	37
Возможно ли разнообразие божественных существ в иудаизме?	38
Божественные существа, ставшие на время людьми	40
Ангел Господень как Бог и человек	41
Другие ангелы как Бог и люди	42
Люди, ставшие ангелами	43
Божественные существа, родившие полубогов	45
Другие божественные личности, не являющиеся людьми	47
Сын человеческий	47
Две силы на небесах	48
Божественные ипостаси	49
Премудрость	50
Слово	51
Люди, ставшие богами	54
Царь Израиля	54
Моисей как Бог	56
Божественные мужи в иудаизме	58
Глава 3	59
Исторический Иисус: проблемы и методы	61
Проблемы с евангелиями	61
Методы	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Барт Эрман

Как Иисус стал богом

Посвящая Cape

Bart D. Ehrman

How Jesus Became God: The Exaltation of a Jewish Preacher from Galilee

Перевод с английского *Светланы Горячевой*

Оформление переплета *Петра Петрово*

© 2014 by Bart D. Ehrman. All rights reserved Published by arrangement with HarperCollins Publishers

От автора

Я хотел бы выразить признательность исследователям, прочитавшим черновой вариант этой книги и предложившим многочисленные полезные замечания. Мир стал бы намного счастливее, если бы у каждого из нас были такие понимающие и великодушные друзья и коллеги. Среди них Мария Дойрфлер, замечательный специалист с широким кругозором, только что приступившая к чтению лекций по церковной истории на богословском факультете университета Дьюка; Джоэль Маркус, профессор Нового Завета на том же факультете, который в течение 30 лет неоднократно читал мои работы, покрывая их в изобилии красными чернилами; Дейл Мартин, профессор Нового Завета в Йельском университете, мой старинный друг и коллега, чьи критические замечания в течение многих лет помогали моему формированию как ученого, а также Майкл Пеппард, старший преподаватель Нового Завета в университете Фордэм, с которым я познакомился лишь недавно. Он – автор книги, которую я не раз цитирую по ходу моего исследования и которая оказала значительное влияние на мой образ мыслей.

Я также благодарю всю команду издательства *HarperOne*, в особенности Марка Таубера, издателя; Клаудию Баутот, помощника издателя; Джулию Бейкер, моего талантливого и энергичного литературного агента, и, прежде всего, Роджера Фрита, моего проницательного и чрезвычайно способного редактора, который помог мне сделать книгу лучше.

Я посвящаю этот труд своей великолепной и блистательной жене, Саре Бекуит. Я уже посвятил ей одну из моих книг годы назад, но поскольку я каждый день посвящаю ей без остатка всю свою жизнь, полагаю, сейчас самое время преподнести ей в дар новую. Она самый удивительный человек из всех, кого я знаю.

Предисловие

Иисус был иудейским проповедником из низших слоев общества, жившим в глубинке сельской Галилеи, который был осужден за нарушение закона и распят за преступления перед римским государством. Тем не менее вскоре после его смерти его последователи стали утверждать, что Иисус был божественным существом. Впоследствии они зашли еще дальше, заявляя, что он был не кем иным, как самим Богом, Творцом неба и земли. Каким образом о распятом крестьянине стали думать как о Господе, начале всех вещей? Как Иисус стал Богом?

Вся ирония, заключающаяся в этом вопросе, не приходила мне в голову до недавнего времени, когда я отправился на длительную прогулку с одной из моих ближайших подруг. По ходу беседы мы обсуждали привычные темы: книги, которые мы прочли, фильмы, которые мы видели, философские взгляды, над которыми мы размышляли. В отличие от меня, моя подруга продолжала причислять себя к христианам. И вот однажды я спросил ее, что именно она считала сущностью своей веры. Ее ответ заставил меня остановиться и задуматься. Она сказала, что для нее в основе религии лежала идея, что в Иисусе Бог стал человеком.

Одна из причин, по которой ее ответ застал меня врасплох, состояла в том, что когда-то это было одним из моих убеждений тоже – хотя я и отказался от него много лет назад. Будучи учеником средней школы, я размышлял долго и усердно над этой «тайной веры», как она описана, к примеру, в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было с Богом, и Слово было Бог... И Слово стало плотью и обитало среди нас, и мы увидели славу Его, славу как Единородного от Отца, полного благодати и истины»¹ (Ин 1:1–2, 14). Еще раньше я открыто и чистосердечно исповедовал христологические утверждения Никейского символа веры, где о Христе сказано:

Верую в... Сына Божия Единородного,
от Отца рождённого прежде всех веков,
Бога от Бога, Света от Света,
Бога истинного от Бога истинного,
рождённого, несотворённого, единосущного Отцу,
через Которого всё сотворено.
Ради нас, людей, и ради нашего спасения
сошедшего с небес и воплотившегося
от Духа Святого и Марии Девы
и ставшего Человеком.

Однако я изменился с течением лет и теперь, достигнув среднего возраста, уже не причисляю себя к верующим. Я – историк раннего христианства, который в течение почти трех десятилетий изучал Новый Завет и зарождение христианской религии в исторической перспективе. И теперь вопрос, который передо мной стоит, в некотором смысле прямо противоположен вопросу моей подруги. Как историка, меня не занимает больше богословский вопрос, как Бог стал человеком, но скорее – исторический вопрос, как человек стал Богом.

Традиционный ответ на этот вопрос состоит в том, что Иисус на самом деле был Богом и потому, разумеется, говорил об этом своим ученикам и те всегда верили в него как в Бога. Но многие историки начиная с конца XVIII века придерживались убеждения, что такое понимание исторического Иисуса неверно, и выдвигали множество весьма убедительных доводов в поддержку своей позиции. Если они правы, мы оказываемся перед загадкой: каким образом это произошло? Почему ранние последователи Иисуса стали считать его Богом?

В этой книге я попытался выработать подход к данному вопросу, который будет полезен не только для секулярных историков религии вроде меня, но и для верующих вроде моей подруги, которые продолжают считать, что Иисус был на самом деле Богом. В результате я не занимаю никакой позиции в богословском вопросе о божественном статусе Иисуса. Меня больше интересует ход исторического развития, приведшего к утверждению, что он был Богом. Такое историческое развитие, безусловно, в том или ином виде имело место, и личные верования людей относительно Христа не должны, по крайней мере в теории, влиять на выводы, которые следуют из истории.

Идея Иисуса как Бога – не современное нововведение, конечно. Как я покажу далее, это было точкой зрения самых первых христиан вскоре после смерти Иисуса. Одним из главных вопросов, пронизывающих все исследование, будет то, что именно христиане *имели в виду* под утверждением «Иисус – Бог». Как мы увидим, разные группы христиан подразумевали под этими словами разные вещи. Более того, для того, чтобы понять это утверждение в любом смысле слова, нам потребуется выяснить, что люди древности обычно имели в виду, думая, что тот или иной человек был богом – или что бог стал человеком.

Уже на этой стадии важно подчеркнуть один фундаментальный исторический пункт, имеющий отношение к тому, как мы представляем себе «божественное царство». Под божественным царством я подразумеваю некий «мир», населенный сверхъестественными, божественными существами – Богом, богами или же другими сверхчеловеческими силами. Для большинства людей сегодня божественность предстает в чернобелом свете: то или иное существо – либо Бог, либо нет. Бог «наверху», на небесах, а мы «внизу», на Земле. И эти два царства разделяет непреодолимая пропасть. Учитывая, как глубоко такого рода представления укоренены в нашем сознании, нам очень трудно представить, как одно и то же лицо может быть одновременно Богом и человеком.

Более того, рассуждая в тех же черно-белых терминах, сравнительно просто утверждать – как когда-то утверждал я сам до того, как провести исследования для этой книги, – что ранние Евангелия от Матфея, Марка и Луки, в которых Иисус никогда не делает прямых заявлений касательно своего божественного статуса, представляют Иисуса как человека, но не как Бога, тогда как Евангелие от Иоанна, в котором Иисус такие заявления делает, изображает его как Бога. Однако другие специалисты горячо возражают против подобной точки зрения и полагают, что Иисус представлен как Бог даже в этих ранних евангелиях. В итоге имеет место множество споров относительно того, что исследователи называют «высокой христологией», где Иисус считается божественным существом (она называется «высокой» потому, что Христос происходит в ней «свыше», от Бога; термин *христология* буквально означает «учение о Христе») и того, что они определяют как «низкую христологию», в которой Иисус воспринимается как человек («низкую» потому, что он происходит в ней «снизу», как все мы). С учетом этой перспективы, в каком свете Иисус представлен в евангелиях – как Бог или как человек?

Я обнаружил, что расхождения между исследователями отчасти связаны с тем, что они отвечают на вопрос о высокой и низкой христологии на основе парадигмы, которую я только что описал – а именно, что божественная и человеческая сферы четко разделены и между ними лежит гигантская пропасть. Проблема в том, что большинство древних людей – христиане, евреи или язычники – этой парадигмы не придерживались. Для них мир людей не был некой абсолютной категорией, отделенной от божественного царства глубокой и непреодолимой расщелиной. Напротив, божественное и человеческое представляли собой два континуума, которые могли пересекаться – и иногда пересекались – между собой.

В античном мире можно было верить несколькими способами в то, что человек стал божеством. Вот два важнейших из них, засвидетельствованных в христианских, иудейских и языческих источниках (остальные я буду обсуждать в дальнейшем на страницах этой книги).

- Путем усыновления или взятия на небо (вознесения). Человеческое существо (например, великий правитель, воин или святой) мог быть возведен в ранг божества волей Бога или одного из языческих богов, будучи вознесенным на уровень божественности, которым он (или она) ранее не обладал.

- Путем нисхождения или воплощения. Божественное существо (например, ангел или один из богов) мог стать человеком либо навечно, либо (что случалось чаще) на время.

Одним из моих основных положений будет то, что одни христианские тексты, такие, как Евангелие от Марка, понимают Иисуса первым из двух способов – как человека, возведенного в ранг божества. Евангелие от Иоанна понимает его вторым способом – как божественное существо, ставшее человеком. Оба они рассматривают Иисуса как божество, *но различными способами*.

Таким образом, прежде чем обсуждать различные точки зрения ранних христиан на то, что именно означало для них называть Иисуса Богом, я подготавливаю сцену, обращая внимание на то, как именно люди в древности воспринимали взаимопроникающие сферы божественного и человеческого. В главе 1 я обсуждаю взгляды, широко распространенные в греко-римском мире за пределами как иудаизма, так и христианства. Как мы увидим, своего рода континуум внутри сферы божественного допускал определенное взаимодействие между богами и людьми – что не станет сюрпризом для читателей, знакомых с древней мифологией, в которой боги становились (на время) людьми, а люди становились (навечно) богами.

Несколько более необычной может показаться дискуссия в главе 2, в которой я показываю, что аналогичные представления существовали даже в мире древнего иудаизма. Это тем более важно потому, что Иисус и его самые первые последователи были во всех отношениях евреями. Оказывается, что многие древние евреи также верили не только в то, что божественные существа (такие, как ангелы) могут становиться людьми, но и люди тоже могут приобретать божественный статус. Некоторые из них прямо названы богами. Это подтверждается не только документами за пределами Библии, но также – что удивительно – документами, входящими в нее.

Предварительно установив точку зрения язычников и иудеев на этот вопрос, мы можем перейти в главе 3 к жизни исторического Иисуса. Здесь я сосредотачиваюсь на вопросе, говорил ли сам Иисус о себе как о Боге. Ответить на этот вопрос не так просто, причем не в малой степени из-за источников информации, имеющихся в нашем распоряжении, из которых мы можем почерпнуть сведения о жизни и учении Иисуса. Вот почему я начинаю эту главу с обсуждения тех проблем, которые представляют для нас сохранившиеся источники – в особенности евангелия Нового Завета – если мы хотим узнать, что произошло в истории за время общественного служения Иисуса. Среди всего прочего я показываю, почему большинство критически настроенных исследователей в течение более столетия высказывали мнение, что Иисус лучше всего может быть понят как апокалиптический пророк, предсказывавший скорое наступление конца света, когда Бог вмешается в историю и ниспровергнет силы зла, чтобы установить свое царство добра. Как только основной настрой общественного служения Иисуса установлен, я перехожу к событиям, которые привели к его распятию по приказу римского губернатора Иудеи, Понтия Пилата. При этом мы будем постоянно обращаться к главному вопросу этой главы: как именно сам Иисус понимал и описывал себя? Говорил ли он о себе как о божественном существе? Я собираюсь доказать, что ответ на этот вопрос отрицательный.

Первые три главы могут рассматриваться как фон для нашей главной темы: каким образом Иисуса стали считать Богом. Краткий ответ на этот вопрос состоит в том, что это было связано с верой последователей Иисуса в его воскрешение из мертвых.

На сегодняшний день очень много написано о воскресении, как исследователями, считающими себя искренне верующими людьми, и апологетами, считающими, что историки могут «доказать» факт воскресения Иисуса, так и скептиками, которые не поверят в это ни на одно мгновение. Очевидно, этот вопрос – фундаментальный для нашего обсуждения. Если бы ранние христиане не верили в то, что Иисус воскрес из мертвых, они бы подумали, что он ничем не отличался от любого другого незадачливого пророка, который оказался не в ладах с законом и был казнен за причиненные неприятности. Но христиане действительно верили в воскрешение Иисуса, и это, по моему мнению, изменило все.

С исторической точки зрения возникает очевидный вопрос. Что в действительности мы можем знать о воскресении? Здесь мы касаемся ряда чрезвычайно спорных моментов, и по поводу некоторых из них я изменил мнение в ходе работы над данной книгой. В течение многих лет я думал, что, как бы мы ни относились к рассказам о воскрешении Иисуса, мы можем с относительной долей уверенности утверждать, что сразу после смерти он был достойным образом погребен Иосифом Аримафейским, а на третий день его ученицы обнаружили гробницу пустой. Теперь я уже не считаю эти данные исторически надежными. Напротив, на мой взгляд, обе точки зрения (погребение и пустая гробница) представляются маловероятными. Итак, в главе 4 мне приходится иметь дело с тем, что мы, как историки, просто не можем ничего знать относительно традиций, связанных с воскрешением Иисуса.

В главе 5 я обращаюсь к тому, что мы можем знать почти наверняка. Здесь, по моему мнению, свидетельства весьма недвусмысленные и убедительные: некоторые из учеников Иисуса утверждали, что видели его живым после смерти. Но как много из его учеников имели «видения» Иисуса? (Я оставляю открытым вопрос, имели ли они эти видения потому, что Иисус действительно явился им, или же потому, что у них были галлюцинации – по причинам, которые я объясню в данной главе). Когда они их имели? И как именно они их интерпретировали?

Моя общая точка зрения сводится к тому, что именно вера в воскресение – основанная на визионерском опыте – изначально привела последователей Иисуса (всех? часть из них?) к убеждению, что Иисус был вознесен на Небеса и усажен по правую руку Бога как его единственный Сын. Эти верования явились самыми первыми христологическими системами взглядов: самым первым осознанием того, что Иисус – божественное существо. Я подробно рассматриваю эти взгляды на «вознесение» из самых ранних сохранившихся источников в главе 6.

В главе 7 я перехожу к другой христологической системе, возникшей позже, которая придерживалась убеждения, что Иисус был не просто человеком, вознесенным на уровень божества, но божественным существом, существовавшим вместе с Богом еще до того, как он сошел на землю и стал человеком. Я демонстрирую важнейшие черты сходства и различия между этой точкой зрения на «инкарнацию» Христа (в которой он «стал плотью» – буквальное значение слова «инкарнация») и более ранними христологиями «вознесения». Более того, я рассматриваю ключевые пассажи, содержащие понимание воплощения Христа в таких книгах, как Евангелие от Иоанна, написанное самым последним из канонических евангелий.

Из следующих глав мы увидим, как христиане, жившие уже после написания Нового Завета – во II, III и IV столетиях, – придали взглядам на Христа дальнейшее развитие. Некоторые христиане придерживались точек зрения, которые в итоге были отвергнуты как «еретические» (или «ложные»), другие же поддерживали мнения, которые были приняты как «ортодоксальные» (или «правильные»). Глава 8 имеет дело с некоторыми из еретических «тупиков», воспринятых христианскими богословами II и III веков. Одни из этих мыслителей утверждали, что Иисус был в полной мере человеком, но не божеством; другие – что он был в полной мере божеством, но не человеком. Были и такие, кто говорил, что Иисус Хри-

стос на самом деле представлял собой два существа, одно – божество, а другое – человек, лишь на время объединившиеся в период служения Иисуса. Все эти точки зрения были объявлены «ересями», как, впрочем, и другие, выдвигавшиеся христианскими лидерами, которые, по иронии судьбы, стремились придерживаться «ортодоксальных» идей.

Дебаты о природе Христа не были разрешены к концу III столетия, но вышли на передний план в начале следующего, IV столетия, с обращением императора Константина в христианскую веру. К этому времени подавляющее большинство христиан твердо верило в то, что Иисус был Богом, однако оставался открытым вопрос: «в каком смысле?». Именно в контексте начала IV века бушевали яростные споры вокруг арианства, которые я рассматриваю в главе 9. Свое название арианство получило по имени Ария, влиятельного христианского учителя из Александрии, Египет, который придерживался «субординационистской» точки зрения на Христа – то есть, что Иисус был Богом, но вместе с тем подчиненным божеством, находившемся на более низком уровне славы по сравнению с Богом Отцом; более того, он не всегда существовал рядом с Отцом. Альтернативной точки зрения придерживался собственный епископ Ария, Александр, который считал, что Христос был существом, всегда существовавшим вместе с Богом, и что он, по природе, был равен Богу. Окончательный отказ от точки зрения Ария привел к формулировке Никейского символа веры, который и сегодня повторяется в церквях.

Наконец в Эпilogue я разбираю последствия этих богословских диспутов после того, как они были разрешены. Как только христиане по всему миру приняли взгляд, что Иисус был Богом, существовавшим предвечно и равным Отцу, как это повлияло на различные споры, которые христиане вели, например, с римлянами, ранее преследовавшими их, и чей император почитался широкими кругами населения как бог? Или с евреями, которым теперь предъявляли обвинения не только в убийстве Христа, но и в убийстве Бога? Или с другими христианами, по мере того, как дебаты о природе Христа продолжали нарастать, затрагивая все более тонкие нюансы, в течение еще очень долгого периода времени?

Эти поздние дебаты сами по себе выглядят интригующими и весьма значительными. Но, по моему твердому убеждению, их невозможно понять, не постигнув истории того, что происходило раньше. Итак, в нашем историческом очерке предметом особого интереса станет ключевой христологический вопрос: как вышло, что последователи Иисуса стали воспринимать его как божество в любом смысле этого термина? Что заставило их думать, что Иисус, распятый проповедник из Галилеи, был Богом?

Глава 1

Божественные мужи в Древней Греции и Древнем Риме

Когда я читаю своим студентам вводный курс по Новому Завету, то часто говорю им, как непросто решить, с чего лучше начать наш обзор. Может быть, с апостола Павла, самого раннего из новозаветных авторов, который написал больше книг Нового Завета, чем любой другой из этих авторов? Или с евангелий, которые, хотя и были написаны уже после смерти Павла, рассказывают о жизни Иисуса, жившего до того, как Павел написал свои послания? В конце концов я прихожу к выводу, что лучше всего начать с истории одного весьма необычного человека, родившегося в I веке н. э. в отдаленной части Римской империи, чья жизнь была описана его поздними последователями как полная чудес.¹

Об одной необычной жизни

Еще до его рождения его матери явился посланец с небес, который сообщил ей, что ее сын будет не простым смертным, но существом божественным. Его рождение сопровождалось чудесными знаменами с неба. Уже взрослым он покинул свой дом, чтобы стать странствующим проповедником. Он ходил по городам и деревням, говоря всем, кто готов был его слушать, что им не следовало заботиться о земной жизни и о материальных благах, но жить ради того, что было духовным и вечным. Он собрал вокруг себя множество последователей, которые пришли к убеждению, что он был не обычным человеком, но сыном бога. И, чтобы укрепить их в этом убеждении, он творил чудеса: мог исцелять больных, изгонять злых духов и воскрешать мертвых. В конце жизни он вызвал противодействие со стороны правящих властей Рима, которые отдали его под суд. Однако они не могли убить его душу. Он вознесся на небо, где и продолжает жить до сего дня. Чтобы доказать, что его существование не прервалось после того, как он покинул земную юдоль, он явился по крайней мере одному из своих усомнившихся последователей, который тем самым убедился в том, что их учитель остается с нами и поныне. Позже некоторые из его учеников написали о нем книги, которые мы можем прочитать и сегодня. Но лишь немногие из вас вообще видели эти книги. И, как я полагаю, большинство из вас даже не знает, кем был этот великий чудотворец и сын бога. Я имел в виду человека по имени Аполлоний, родом из города Тиана. Он был язычником – то есть политеистом, почитавшим множество римских богов – и признанным философом своего времени. Его последователи считали его бессмертным. До нас дошла книга о нем, написанная его позднейшим поклонником Филостратом.

Книга Филострата в восьми томах была написана в начале III столетия, возможно около 220–230 годов н. э. Для этой книги он провел значительные исследования, и его рассказы, как утверждает он сам, основаны на свидетельстве очевидца и спутника самого Аполлония. Аполлоний жил всего несколько лет спустя после подобного ему чудотворца и сына Бога из другой отдаленной части империи, Иисуса из Назарета. Позднейшие последователи этих двух божественных мужей рассматривали их как соперников, и это соперничество было частью более крупной борьбы того времени между язычеством – различными формами религии, которой придерживалось большинство живших в древности людей, основанной на политеизме, и христианством, лишь недавно появившимся на исторической сцене, которое настаивало на том, что существовал лишь один Бог, а Иисус был его Сыном. Христианские последователи Иисуса, знавшие об Аполлонии, считали его шарлатаном, а языческие последователи Аполлония утверждали в ответ, что именно Иисус был шарлатаном и лжецом. Обе группы могли сослаться на соответствующие письменные рассказы о жизни своих лидеров, чтобы доказать свою точку зрения.

Исторический и легендарный Аполлоний

Исследователям пришлось подвергнуть евангелия Нового Завета критическому разбору, чтобы установить, какие именно рассказы и части рассказов исторически достоверны в отношении исторического Иисуса, а какие представляют собой поздние и приукрашенные легенды, сложенные его преданными последователями. Точно так же ученые Древнего Рима были вынуждены подвергнуть анализу писания Филострата, чтобы отделить позднейшие легендарные прибавления от того, что мы в действительности можем узнать о нем об историческом Аполлонии. Обычно считается, что он принадлежал к числу философов-пифагорейцев – то есть был сторонником взглядов греческого философа V века до н. э. Пифагора. Он жил во второй половине I века н. э. (Иисус – в первой). Аполлоний странствовал по

восточной части Римской империи в качестве религиозного проповедника и моралиста. Он часто жил в храмах и предлагал свои советы религиозным деятелям и городским чиновникам. У него было много учеников, и его нередко принимали многие представители римской элиты в тех местах, где он останавливался. Его особенно заботило то, чтобы люди отказались от необузданного материализма и жили ради того, что единственно имело значение, то есть вещей духовных.

Однако для настоящего исследования еще более важным, чем жизнь исторического Аполлония, представляется серия возникших вокруг него легенд, которые пользовались широким доверием среди людей его времени. Его замечательные философские прозрения в конце концов навели многих из них на мысль, что он не мог быть простым смертным, но богом, ступавшим по земле. Всего столетие спустя после его смерти Аполлоний был удостоен святилища в его родном городе Тиана, посвященном ему не кем иным, как римским императором Каракаллой, правившим в 187–217 годах н. э. Известно, что император Александр Север (222–235 годы н. э.) хранил портрет Аполлония среди скульптур других домашних богов, а император Аврелиан (270–275 годы н. э.), горячий поклонник бога Солнца, также почитал его как божество.

История рождения Аполлония, записанная в *Жизни Аполлония Тианского* Филострата, заслуживает нашего особого внимания. Она одновременно похожа и не похожа на более раннюю историю Благовещения, которую мы находим в Евангелии от Луки (1:26–38). Когда мать Аполлония была беременна им, она имела видение божественного существа, египетского бога по имени Протей, известного своей великой мудростью. Когда она спросила у него, кого ей предстоит родить, бог ответил: «Меня». Само рождение также сопровождалось чудесами. Матери было сказано отправляться со служанками в поле, где она заснула на траве только для того, чтобы оказаться разбуженной хлопаньем лебединых крыльев. Затем она преждевременно разрешилась от бремени. Местные жители увидели вспышку молнии, появившейся на небе как раз в это мгновение, но когда она уже готова была ударить в землю, «вновь вознеслась и исчезла в эфире» (*Жизнь Аполлония*, 1.5). Люди заключили, что таким образом «боги явили и предвестили будущую близость к ним Аполлония и будущее его превосходство над всем земным, и все, чего ему суждено было достигнуть» (*Жизнь Аполлония*, 1.5). Бесспорно, это знамение отличается от звезды, которая привела волхвов к Младенцу, однако принадлежит к той же сфере небесных явлений. Местные жители решили, что Аполлоний – сын Зевса.

В конце жизни Аполлоний был приведен на суд перед императором Домицианом. Помимо всего прочего его обвиняли в том, что он удостоивался почитания, подобающего только богам. И снова прослеживаются очевидные параллели с историей Иисуса: последний тоже был приведен на суд (в данном случае перед еврейскими властями и римским правителем Пилатом) и, как утверждалось, придерживался весьма возвышенных взглядов на свою личность, называя себя Сыном Бога и царем Иудейским. В обоих случаях власти сочли подобное самовозвеличивание представляющим угрозу для благополучия государства, однако читатели были убеждены, что для обоих персонажей эти утверждения о себе были справедливыми.

Филострат указывает на то, что существовали разные предания о «смерти» Аполлония. По одной версии, он окончил свои дни на острове Крит. Он якобы зашел в святилище одного из местных божеств, охранявшееся свирепыми псами, но вместо того, чтобы залаять, псы приветствовали Аполлония как друга. Храмовые служители обнаружили его и посадили на цепь, думая, что он использовал колдовские чары, чтобы пробраться мимо псов. Однако в полночь Аполлоний освободился от уз и окликнул служителей, чтобы те видели, что произойдет дальше. Он поспешил к дверям святилища, которые распахнулись перед ним. Затем он вошел, и двери сами собой захлопнулись, причем изнутри святилища (где больше никого

не было) слышалось пение девушек: «Выспрь от земли, вдаль к небесам, гряди горе!» Иными словами, Аполлоний вознесся на небо, в царство богов – что очевидно следовало из того, что больше его на земле никто не видел. И опять же параллели с историей Иисуса очевидны: в конце жизни Иисус производит беспорядки в Храме, он арестован и приведен на суд, а после того как он покидает этот мир, возносится на Небеса, где и пребывает до сих пор.

Как философ Аполлоний учил о бессмертии человеческой души: плоть может умереть, но человек продолжает жить. Не все верили ему. Но после своего вознесения на небеса он явился в видении одному из последователей, который усомнился в нем. Таким образом Аполлоний убедил этого ученика в том, что он все еще жив и присутствует среди них. Разумеется, Иисус после своего воскрешения из мертвых тоже являлся ученикам и убедил их, в том числе и неверующего Фому, в продолжающейся реальности своего присутствия и жизни на небесах.

Аполлоний и Иисус

Современные исследователи оспаривают значение очевидных связей между Аполлоном и Иисусом, но эти споры возникли не сегодня. В начале IV века н. э. языческий автор по имени Гиерокл написал книгу «Правдолюбивое слово», которая содержала сравнение между двумя предполагаемыми «сынами бога» и утверждала превосходство языческой версии. Полный текст книги до нас не дошел. Однако спустя несколько лет после ее написания ее доводы были опровергнуты в произведениях церковного писателя IV века н. э. Евсевия – иногда называемого «отцом церковной истории», поскольку именно Евсевий первым составил историю христианства от времен Иисуса до его собственных дней. Еще одна из книг Евсевия была направлена против Гиерокла и его попыток превознести Аполлония. К счастью для нас, современных читателей, Евсевий приводит в нескольких местах прямые цитаты из труда своего оппонента. Так, например, ближе к началу книги Гиерокл пишет:

Повсюду на разные голоса трезвонят, возвеличивая Иисуса, будто слепым он дал зрение и содеял еще какие-то удивительные чудеса... Разберем, однако же, насколько лучше и разумнее мы смотрим на подобные вещи и какого придерживаемся мнения о добродетельных людях... При царствовании Нерона прославился Аполлоний из Тианы, который... сотворил многие чудеса, из которых, большую часть опустив, я упомяну о некоторых (*Жизнь Аполлония*, 2)²

Гиерокл высмеивает евангелия Нового Завета, утверждая, что о деяниях Иисуса «пона- рассказывали Петр, Павел и некоторые из их спутников – все люди лживые, невежды и самозванцы». В то же время деяния Аполлония были изложены людьми высокообразованными (а не крестьянами из низших слоев общества), которые сами были их свидетелями. Благодаря своей блистательной жизни и образу его «смерти» – «он прямо-таки вместе с телом вознесся на небо под звуки гимнов и плясок» – этот человек вправе значиться «среди богов». Ответ Евсевия был прямым и едким. Аполлоний был не божеством, а воплощением зла; не сыном Бога, а человеком, одержимым демоном.

Если взглянуть на этот спор в исторической перспективе, остается мало сомнений в том, что в конечном счете победу одержал Евсевий. Однако такой исход нельзя было считать предрешенным в ту эпоху, когда Гиерокл писал свою книгу, прежде чем христианство обрело силу. Аполлоний и Иисус рассматривались как соперники за божественные почести: один из них – язычник, поклонявшийся многим богам, а другой – иудей, поклонявшийся единому Богу; один – сторонник языческой философии, а другой – основатель христианской религии.

Оба они были провозглашены воплощением Бога на земле, хотя оба, совершенно очевидно, были также людьми. В определенном смысле слова их считали божественными мужами.³

Самое удивительное, что эти двое не были исключением. Несмотря на то что Иисус, возможно, единственный Сын Бога, творящий чудеса, о котором люди знают сегодня, в древности существовало множество других, ему подобных. Мы не можем считать Иисуса уникальным, если подразумевать под этим словом, что он был единственным в своем роде – то есть человеком, стоящим намного выше простых смертных и резко отличающимся от них; человеком, который в некотором смысле слова был также и божеством.

В древности существовал целый ряд таких «божественных мужей». Как вскоре станет ясно, я не затрагиваю вопрос, были ли они *на самом деле* божественными или нет, а лишь о том, как их *воспринимали*. Понимание того, как это могло случиться, станет первым шагом к выявлению причин, по которым об Иисусе стали думать в подобных терминах. Но, как мы увидим, первоначально Иисус не воспринимался как божество – не в большей степени, чем Аполлоний во время его земной жизни. Только после своей смерти человек Иисус стал рассматриваться как Бог на земле. Как это произошло? Для начала нужно понять, каким образом другие люди в древности стали считаться богами.

Три модели «божественных мужей»

Христианство возникло в Римской империи сразу же после смерти Иисуса в 30 году н. э. Восточная часть империи была полностью пронизана греческой культурой – до такой степени, что греческий был там обычным языком общения, и именно на этом языке был написан весь текст Нового Завета. Поэтому, чтобы понять взгляды ранних христиан, нам следует поместить их в соответствующий исторический и культурный контекст, то есть в греко-римский мир. Евреи того времени придерживались целого ряда характерных только для них представлений (см. следующую главу), но во многих ключевых аспектах, имеющих значение для нашего исследования, они разделяли (на свой лад) большинство взглядов своих римских друзей и соседей. Это важно понять потому, что сам Иисус был евреем, как и его ближайшие последователи – включая тех из них, которые первыми стали провозглашать, что он был не простым смертным, но Богом.

Однако как возможно для Бога (или одного из богов) стать человеком – или принять человеческий облик? Одну из таких возможностей мы уже видели на примере Аполлония Тианского. В его случае матери Аполлония еще до его рождения было объявлено, что ее сын станет инкарнацией – «явлением во плоти» – предвечного божественного существа, бога Протея. Здесь прослеживается явное сходство с поздней богословской интерпретацией Иисуса – что он был Богом, который явился во плоти, родившись от своей матери, Девы Марии. Я не знаю ни одного другого примера «богочеловека» в греко-римской мысли, когда уже существующее божество получило бы рождение от смертной женщины. Но существовали и другие представления, *близкие* к этой точке зрения, и ниже мы обсудим три из них.

Боги, ставшие на время людьми

Одним из величайших поэтов Рима был Овидий, старший современник Иисуса (даты его жизни 43 год до н. э. – 17 год н. э.). Самое знаменитое его произведение – «Метаморфозы», поэма в пятнадцати томах, прославляющая различные превращения и трансформации, описанные в античной мифологии. Иногда в этих превращениях замешаны боги, которые принимают человеческий облик, чтобы общаться с простыми смертными.

Действующие лица одной из самых интригующих историй, которые мы находим у Овидия – пожилые крестьяне, Филемон и Бавкида, жившие во Фригии (на территории современной Турции). В этом коротком рассказе боги Юпитер и Меркурий путешествуют по стране в облике смертных. Они обошли много домов, но никто не согласился накормить их и дать им приют. Наконец они случайно находят скромную хижину Филемона и Бавкиды, которые смиренно переносят свою бедность, не видя в ней стыда. Пожилая чета тепло приветствует странников, приглашает их в свой бедный дом, готовит для них лучшую еду и оmyвает их усталые ноги теплой водой. В ответ благодарные боги делают так, что сосуд с вином никогда не опустошается: сколько они ни пьют, он остается полным. Затем они объявляют: «Боги мы оба»⁴, и, в ответ на прием, полученный ими во Фригии, провозглашают:

Пускай упадет на безбожных соседей
Кара... но даруется, в бедствии этом,
Быть невредимыми вам.

Юпитер спрашивает супругов, чего они желают больше всего. Обсудив вопрос с женой, Филемон говорит владыке богов, что оба они хотят стать жрецами, несущими службу

при святилище богов, а когда для них настанет время покинуть этот мир, они желают умереть вместе:

...Поскольку ведем мы в согласии годы,
Час пусть один унесет нас обоих, чтоб мне не увидеть,
Как сожигают жену, и не быть похороненным ею.

Юпитер исполняет их желания. Дома соседей разрушены, на месте их хижины появляется храм, а Филемон и Бавкида становятся его хранителями. Когда для них приходит время умереть, они одновременно превращаются в два дерева, растущих от одного корня, так что они остаются едиными в смерти, как жили в согласии во время супружества. Позднейшие почитатели святилища не только убеждены в продолжающейся жизни супружеской четы, но и верят в то, что Филемон и Бавкида были обожествлены и заслуживают поклонения:

Праведных боги хранят: почитающий – сам почитаем.

Эта прекрасная и трогательная история о любви в жизни и в смерти также история о том, как боги на время стали – или казалось, что стали – людьми, а люди стали богами. Когда Филемона и Бавкиду почитают в качестве богов, это не означает, что они столь же могущественны, как великий Юпитер или Меркурий. Их считают божествами низшего уровня, смертными, вознесенными на божественный план – но, тем не менее, божествами. Для нас это ключевой и самый важный урок. Божественность может проявляться во многих формах и видах, а сфера божественного имеет множество уровней.

Сегодня мы думаем о сфере божественного, о царстве Бога, как о чем-то совершенно ином, отделенном от мира людей. Бог на небесах, а мы на земле, и между нами лежит непреодолимая пропасть. Но большинство древних людей не рассматривали царство богов и царство людей подобным образом. Божественная сфера имела множество уровней. Некоторые боги были сильнее и могущественнее, можно сказать, «божественнее» других, а некоторые люди иногда могли быть причислены к рангу богов. Более того, сами боги могли сходить – и нередко сходили – на землю, чтобы проводить время с нами, простыми смертными, и такие встречи могли привести к интересным, а порой и разрушительным последствиям, как в том убедились на собственном горьком опыте негостеприимные обитатели Фригии.

Этот урок не прошел даром для позднейших жителей региона, как мы узнаем со страниц самого Нового Завета. В книге Деяния апостолов мы читаем рассказ о том, как апостол Павел и его спутник Варнава в ходе своего миссионерского путешествия по этим же местам прибыли в город Листру (Деян 14:8-18). Павел видит там человека, хромого от рождения, и силою Божьей исцеляет его. Толпы, наблюдавшие это чудо, пришли к естественному для них выводу: «боги в образе человеческого сошли к нам» (Деян 14:11). Поразительно, что они принимают Варнаву за Зевса, а Павла – который «держал речь» – за Гермеса. Такое отождествление не случайно: Зевс был греческим прототипом Юпитера, а Гермес – Меркурия. Жители Листры помнили историю Филемона и Бавкиды и решили, что оба бога снова явились в их среде. Они настолько уверены в этом, что местный жрец Зевса доставляет к воротам города быков и венки, чтобы совершить жертвоприношение обоим апостолам, которым лишь с большим трудом удастся убедить окружающих в том, что они всего лишь люди, «подобные вам». Павел, по своему обыкновению, использует этот случай для проповеди Евангелия, чтобы обратить людей. Но даже это убедило не всех: «И говоря это, они едва успокоили народ, чтобы не приносили им жертвы» (14:18).

Неудивительно, что поклонники Зевса в Листре поспешили с выводом, что боги на время стали людьми и обитали среди них: они прекрасно помнили, что произошло в про-

шлом, когда они отказались почтить их достойным образом. Представляет ли собой этот рассказ из книги Деяния историческое воспоминание о миссионерской деятельности Павла или же просто интригующую легенду, возникшую уже в более поздние времена (как и сама история Филемона и Бавкиды), для наших рассуждений несущественно: в римском мире было широко распространено убеждение, что боги могли принимать человеческий облик, так что порой люди, встреченные случайно на пути, в действительности оказывались боже-ствами. Греческие и римские мифы изобилуют подобными историями.

Божественные существа, рожденные от бога и смертной женщины

Несмотря на то что Аполлоний считался предвечным божеством, явившимся во плоти, такое понимание того, как божественный муж мог родиться от смертной женщины, не было обычным для греческого или римского мышления. Намного более распространенной была точка зрения, согласно которой божественное существо – не существовавшее до рождения – пришло в мир потому, что один из богов имел сексуальные отношения с женщиной, и потомки от этого союза считались, в определенной степени, божественными. В греческих мифах такими сомнительными с моральной точки зрения похождениями чаще всего отличался Зевс, спускавшийся с небес, чтобы предаться экзотическим развлечениям с той или иной привлекательной женщиной – что приводило к весьма необычной беременности. Но рассказы о Зевсе и его смертных возлюбленных были не просто темой для занимательных преданий. Иногда подобные истории рассказывались и о реально существовавших исторических личностях, например об Александре Великом (356–323 годы до н. э.).

Согласно его позднему биографу, греческому ученому Плутарху, чья книга о знаменитых греках и римлянах содержит жизнеописания многих выдающихся личностей того времени, многие люди верили в то, что Александр был одним из отпрысков Зевса. Действительным отцом Александра был знаменитый и могущественный царь Македонии, Филипп, полюбивший женщину по имени Олимпиада. По словам Плутарха, в ночь перед тем как их брачный союз должен был получить завершение, Олимпиада увидела во сне, как молния ударила с небес и вошла в нее – предположительно, вследствие магии Зевса. Филипп между тем, взглянув в ту ночь на жену, увидел змея, который лежал, слившись с нею в объятии. Как подчеркивает Плутарх, это зрелище (что вполне понятно) сильно охладило любовь Филиппа к молодой жене. В древние времена Зевс часто представлялся в образе змея, и для тех, кто верил подобным рассказам, ребенок – Александр – не был простым смертным. Он был сыном бога.

В мифологии мы встречаем еще более поразительные рассказы о Зевсе или его римском аналоге Юпитере, предающемся ночным похождениям. Самая интригующая из них – история рождения Геракла. В древности эта легенда бытовала во многих формах, но, возможно, самая примечательная из них – забавный рассказ, содержащийся в одной из пьес римского драматурга Плавта, комедии «Амфитрион». Пьеса получила название по имени одного из главных персонажей, фиванского военачальника, женатого на необычайно красивой женщине по имени Алкмена. Амфитрион отправился на войну, оставив беременную жену дома. Юпитер, едва бросив на нее с небес похотливый взгляд, решает, что должен ею овладеть. И он знает, как именно добиться своего.

Зевс принимает облик Амфитриона и говорит Алкмене, что он вернулся домой после битвы. Она принимает его с распростертыми объятиями и укладывает его в постель. То, что происходит потом, доставляет Юпитеру такое удовольствие, что он приказывает созвездиям остановить свое вращение. Другими словами, он заставляет время остановиться до тех пор, пока он – даже он, могущественный бог, чьи способности получать наслаждение без-

граничны, – не насытится до конца. Затем созвездия возобновляют свое движение, Юпитер возвращается в свой небесный чертог, а Алкмена, без сомнения, чувствует себя уставшей после столь продолжительных любовных игр.

Оказывается, что настоящий Амфитрион возвращается аомой на следующее утро. И он немало удивлен и раздосадован тем, что жена не встречает его с тем восторгом, которого он вправе был ожидать после столь продолжительного отсутствия. Однако с ее точки зрения это выглядит вполне объяснимым: ведь Алкмена думает, что она только что провела долгую ночь в объятиях мужа. Так или иначе, этот эпизод приводит к интересным последствиям в том, что касается ее беременности. Алкмена уже носила во чреве ребенка Амфитриона, но она зачинает снова, на сей раз от Юпитера. (Некоторые из древних мифов были явно не в ладах с анатомией или биологией.)⁵ В итоге она производит на свет близнецов. Один из них – божественный Геркулес, сын Юпитера, а другой – его брат-близнец, простой смертный, Ификл.

Разумеется, рассказ об Амфитрионе и Алкмене – всего лишь миф, и неясно, многие ли люди в действительности «верили» в это. Скорее, это было просто красивой легендой. Тем не менее идея, лежавшая в ее основе – что смертная женщина могла дать жизнь ребенку от бога – многим людям в древности казалась правдоподобной. Для них не было ничего необычного в представлении, что некоторые из выдающихся людей, ступавших по земле – например, великие завоеватели вроде Александра или даже знаменитые философы, наделенные сверхчеловеческой мудростью, вроде Платона⁶, – были зачаты не так, как прочие смертные. У них был божественный родитель, поэтому и сами они, в некотором смысле слова, были божественными.

Следует подчеркнуть, что когда Алкмена дала жизнь Геркулесу, это не было случаем девственного рождения. Она уже имела интимные отношения со своим мужем и затем то, что можно назвать сексом с богом – в данном случае с Юпитером. Ни в одной из историй о божественных мужах, рожденных от союза бога и смертной женщины, последняя не является девственницей. Это одно из отличий между христианскими историями о рождении Иисуса и аналогичными историями о других божественных мужах в Древнем мире. Правда, именно (еврейский) Бог делает мать Иисуса, Марию, беременной через посредство Святого Духа (см. Лк 1:35). Но христиане-монотеисты придерживались слишком возвышенных взглядов на Бога, чтобы допустить даже в мыслях, что Он мог на время стать человеком в угоду своим сексуальным фантазиям. Греческие и римские боги могли себе такое позволить, но единый Бог Израиля стоял выше всего этого.

Человек, ставший божеством

Третья модель для понимания «божественных мужей» в греческих и римских кругах предоставила наиболее важную концепцию, имевшуюся в распоряжении ранних христиан и объяснявшую, каким образом он мог быть человеком и Богом одновременно. Суть этого взгляда не в том, как божественное существо могло стать человеком – через временное воплощение или сексуальный акт – а в том, как человек мог стать божеством. Как следует из рассказов, такое нередко случалось в греческой и римской античности.

Ромул

Один из самых поразительных примеров связан с именем легендарного основателя Рима, Ромула. До нас дошло несколько рассказов о жизни Ромула, включая составленный одним из выдающихся ранних историков Рима, Титом Ливием (59 год до н. э. – 17 год н. э.),

который в одном месте называет Ромула «богом, богом рожденным» (*История Рима*, 1.16). Событие, которое нас особенно интересует, имело место в конце жизни Ромула.

Зачатие Ромула было окружено слухами о божественном вмешательстве. Его мать была девственной весталкой, то есть – как это следует из названия – жрицей культа, обязанной воздерживаться от интимных связей. Но однажды она забеременела, тем самым очевидно нарушив свои обеты. Как она утверждала, виновником был сам бог Марс, и, вероятно, некоторые ей верили. Если так, то это еще раз показывает, как союз между богом и человеком может служить объяснением появления выдающихся личностей на земле.

Однако *исчезновение* Ромула из этой жизни еще более примечательно. Согласно Ливию, к концу жизни Ромула был основан Рим, учреждено правительство с Сенатом и Ромулом в качестве царя, армия успешно функционировала, и тем самым было положено достойное начало величайшему городу в истории. На исходе дней Ромул собрал членов Сената, чтобы произвести смотр войск у Козьего болота (*Campus Martius*). Внезапно поднялась сильнейшая буря. После нескольких яростных ударов грома Ромула окутало облако. Когда туман рассеялся, его уже нигде не было видно.

Как следует из дальнейшего, ходили два рассказа о его кончине. Один из них – которому, судя по всему, верил сам Ливий и, предположительно, большинство других скептически настроенных наблюдателей, – намекал на то, что сенаторы воспользовались моментом, чтобы избавиться от деспота. Они растерзали Ромула и спрятали его останки. Другой рассказ, которому верили широкие массы, распространялся самими сенаторами – что Ромул якобы «был унесен бурей». Иными словами, он был взят на небеса, чтобы жить вместе с богами. Результатом явилось внезапное утверждение за Ромулом божественного статуса: «Потом сперва немногие, а за ними все разом возглашают хвалу Ромулу, богу, богом рожденному, царю и отцу города Рима, молят его о мире, о том, чтобы, благой и милостивый, всегда хранил он свое потомство» (*История Рима*, 1.16).⁷

Здесь мы встречаем краткое выражение идеи «божественного мужа»: человек может быть вознагражден богами, став одним из них; это происходит благодаря его исключительным заслугам; как божество этот человек достоин почитания; и в своей роли бога, он может защитить тех, кто обращается к нему с молитвой или прошением.

Интересно, что, как сообщает Ливий, факт вознесения Ромула на небо впоследствии был подтвержден одним человеком по имени Прокул Юлий, который объявил собравшимся римлянам, что Ромул явился ему живым после своей кончины. Он, как утверждается, сказал следующее: «Ромул, отец нашего города, внезапно сошедший с неба, встретился мне нынешним утром. В благоговейном ужасе стоял я с ним рядом и молился... а он промолвил: «Отправляйся и возвести римлянам: угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира. А посему пусть будут усердны к военному делу, пусть ведают сами и потомству передают, что нет человеческих сил, способных противиться римскому оружию». И с этими словами [Ромул] удалился на небо» (*История Рима*, 1.16).

Римляне чистосердечно и с энтузиазмом восприняли божественность человека Ромула. Триада богов – Юпитер, Марс и Квирин – жили в самом сердце древнего Рима, на Капитолийском холме. Возможно, что первоначально Квирин был божеством, почитавшимся сабинянами – одним из племен, вошедших в состав Римского государства уже на раннем этапе его истории. Но к тому времени, когда Ливий писал свою книгу, Квирин отождествлялся с обожествленным Ромулом, которому поклонялись здесь наряду с самим отцом богов.

Юлий Цезарь

Традиционной датой основания Рима считается 753 год до н. э. Переносясь почти на семь столетий вперед, мы снова встречаем людей, объявленных богами. Лишь очень немно-

гие из них известны нам лучше, чем Юлий Цезарь, самоназначенный диктатор Рима, убитый в мартовские иды 44 года до н. э. своими политическими противниками, предпочитавшими жить вообще без диктатора. Римский биограф Светоний включил жизнеописание Юлия Цезаря в свою книгу «Жизнь двенадцати цезарей», увидевшую свет в 115 году н. э.

Согласно Светонию, уже при жизни Цезарь называл себя потомком богов. В похвальной речи, которую он произнес на похоронах своей тетки, он заявил, что, с одной стороны, его семья ведет род от древних царей – через легендарного Анка Марция, четвертого царя Рима, а с другой – от бессмертных богов, причем родословная его может быть прослежена вплоть до богини Венеры.

После смерти Цезаря началась ожесточенная борьба за власть между его противниками и сторонниками, в том числе Марком Антонием (известным своим романом с Клеопатрой), вступившим в союз с приемным сыном Цезаря Октавианом, впоследствии Цезарем Августом. На погребении Цезаря, вместо обычной похвальной речи, Антоний велел объявить через глашатая решение Сената, согласно которому «Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести». По сути, Юлий Цезарь был причислен к богам решением властей. Этот процесс известен как *обожествление* — признание того, что в данном конкретном случае человек был настолько велик, что после смерти занял место среди богов. Согласно Светонию, простой народ и даже сами небеса как будто поддерживали обожествление Цезаря: «Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричтен к богам, не только словами указов, но и убеждением толпы. Во всяком случае, когда во время игр, которые впервые в честь его обожествления давал его наследник Август, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, появляясь около одиннадцатого часа, то все поверили, что это душа Цезаря, вознесенного на небо» (*Божественный Юлий*, 88).⁸

Если рассматривать вопрос с чисто человеческой и политической точки зрения, почти не возникает вопроса, зачем наследнику и приемному сыну Цезаря, Октавиану, понадобилось, чтобы римляне признали не только происхождение Цезаря от богов, но и его собственную божественность. Если Юлий Цезарь стал богом, кем тогда был его сын? Как недавно отмечал специалист по Новому Завету Майкл Пеппард, насколько нам известно, только два человека в античном мире прямо назывались сыновьями Бога. Другие, разумеется, носили имена своих божественных родителей, например, сын Зевса, сын Аполлона, и так далее. Но только два человека, известных по имени, носили также титул «Сын Бога». Одним из них был римский император, начиная с Октавиана или Цезаря Августа, а другим – Иисус. Вероятно, это не простое совпадение. Когда Иисус появился на сцене в качестве богочеловека, он и император вступили в противостояние.

Цезарь Август

Юлия Цезаря могли считать богом после его смерти, но его приемный сын Октавиан (император с 27 года до н. э. по 14 год н. э.) иногда считался богом еще при жизни. Причисление еще живущего властителя к богам не было чем-то неслыханным в античном мире. Египтяне уже давно смотрели на своих фараонов как на живые воплощения божеств, а уже упомянутому выше завоевателю Александру Великому предлагались почести, предназначенные только для богов, которые он принимал. Однако этого нельзя сказать о римском мире до зарождения культа императора.

Легенды намекали на то, что Октавиан появился на свет не обычным образом, как другие люди до него, но был рожден от союза смертной женщины и бога. Согласно Светонию, Атия, мать Октавиана, забеременела от бога Аполлона, явившегося ей в образе змея (явны отголоски преданий о рождении Александра Великого), Атия присутствовала на торжественном богослужении в храме Аполлона, и посреди ночи, когда она заснула в носилках

посреди храма, к ней подполз змей и быстро удалился. Проснувшись, она совершила очистительный ритуал, «как после соития с мужем», и после этого на ее теле появилось пятно в виде змея, от которого невозможно было избавиться. Светоний пишет, что «девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона» (*Божественный Август*, 94).

Более того, как раз в ту самую ночь муж Атии – которого также звали Октавий – который в то время находился на войне во Фракии (Северная Греция), видел сон, в котором «увидел сына в сверхчеловеческом величии, с молнией, скипетром и в одеянии Юпитера Благого и Величайшего, в сверкающем венце, на увенчанной лаврами колеснице, влекомой двенадцатью конями сияющей белизны» (*Божественный Август*, 94). Очевидно, описанные знамения свидетельствовали о том, что это дитя было существом сверхъестественным, великим богом на земле.

В отличие от некоторых поздних императоров, находясь у власти, Август без особого энтузиазма относился к тому, что его почитали как бога. Светоний говорит, что он не позволял посвящать ему храмы в римских провинциях, если они не были одновременно посвящены богине Роме – покровительнице города Рима. Иногда города обходили это нежелание императора, строя храмы и посвящая их «гению» Августа. Слово *гений* в данном случае означает не его интеллектуальное превосходство, а духа-хранителя, оберегавшего всю его семью и в особенности самого Августа как ее главу, по сути, делая его тем, кем он был. В определенном смысле слова, поклоняясь гению Августа, эти города чтили его самого в обезличенной, но чрезвычайно возвышенной форме.

Более того, несмотря на это нежелание, Октавиана превозносили как «Сына Бога» уже в 40 году до н. э. – за годы до того, как он стал императором – и данный титул встречается на монетах уже в 38 году до н. э. Декрет, изданный греческим городом Кос, прославляет Августа как бога Себастоса (греческий эквивалент латинского слова «Август») и указывает, что он «своими благодеяниями всему роду людскому превзошел даже богов Олимпа». Для простого смертного такие претензии покажутся непомерно высокими, но для восторженных поклонников Августа он был больше, чем богом. После своей смерти Август был обожествлен и назван «божественным» или «ставшим божеством», или «причисленным к сонму богов». Когда его тело было кремировано, согласно Светонию, один римский чиновник высокого ранга утверждал, что «видел, как образ сожженного воспарил к небесам». Августа продолжали почитать как бога и римляне, жившие позже, в том числе его преемники на императорском троне.⁹

Культ императора

Для историка Древнего мира слово *культ* не несет никаких негативных коннотаций, которые оно может иметь сегодня – подразумевая экстремистскую религиозную секту со странными верованиями и практиками. Это просто укороченная форма термина *cultus deorum*, что означает «возделывание богов», близкий эквивалент того, что мы сегодня называем «религией» (точно так же, как слово «агрокультура» значит «возделывание полей»). Римский культ императора возник при Августе и продолжался в правление его преемников, многие из которых не разделяли его нежелание считаться проявлением божества на земле.¹⁰

В речи знаменитого римского оратора Квинтилиана (35-100 годы н. э.) нам объясняют, каким образом ораторам следует возносить хвалу богам, выступая перед публикой: «Некоторых хвалить должно, что рождены бессмертными; других, что бессмертие приобрели своею добродетелью: что видим в особе государя нашего [императора Домициана], коего благочестие служит украшением настоящего века» (*Риторические наставления*, 3.7.9).¹¹ Квинтилиан утверждает, что некоторые боги были рождены таковыми (например, великие боги гре-

ческой и римской мифологии), а другие «бессмертие приобрели своею добродетелью» – то есть *стали* божественными благодаря своим удивительным деяниям, причем с некоторыми из них это произошло уже в «настоящем веке». Здесь он подразумевает двух предыдущих императоров: Веспасиана, отца Домициана, и его брата Тита, которые оба были обожествлены.

Обычно император официально провозглашался богом после смерти голосованием римского Сената. Нам сейчас это может показаться немного странным, поэтому, возможно, лучше исходить из того, что Сенат не столько *делал* кого-то божеством, сколько *признавал* божественную личность в их среде. Признание основывалось на том, что данная личность обладала властью и творила благодеяния. А кто обладал большей властью и, следовательно, творил больше благодеяний, чем римские императоры? Так называемые плохие императоры (а их было немало) не устаивались после смерти божественных почестей, но хорошие устаивались. Как в случае с Октавианом, многих из них почитали как богов еще при жизни. Поэтому мы находим надпись, высеченную на камне в городе Пергамоне, которая воздает славу «богу Августу Цезарю», и другую – в городе Милете, посвященную Гаю, иначе известному в истории как Калигула (позже считавшемуся одним из самых дурных императоров – но эта надпись была сделана еще при его жизни), в которой говорится: «Гай Цезарь Германик, сын Германика, бог Себастос». По крайней мере при жизни Калигула иногда считался божественным.

В течение многих лет специалисты бились над проблемой, как понимать развитие культа императоров в течение всей истории Римской империи – в особенности идею, что живой человек мог считаться богом. Неужели люди не видели, что император был таким же человеком, как и все прочие? Ему приходилось есть и пить, отправлять другие естественные функции организма; он имел не только сильные стороны, но и личные слабости – был во всех отношениях смертным. В каком же смысле слова его могли всерьез принимать за бога?

Как правило, исследователи прежних времен проявляли скептицизм в данном вопросе, полагая, что большинство людей в действительности не верило в божественность императора¹², а присвоение ему божеских почестей был просто одной из форм лести. Эта точка зрения была по большей части основана на античных произведениях, вышедших из-под пера литературной элиты, то есть высшего слоя общества. Более того, в этой перспективе представлялось, что культ императоров поддерживался самой правящей верхушкой в качестве своего рода имперской пропаганды, дабы всем жителям провинций стало понятно и очевидно, с кем они имеют дело в лице римских властей. В конечном счете они имеют дело с божеством. С этой точки зрения все понимали, что император был, конечно же, простым смертным, как и все его предшественники, но члены имперской элиты принимали участие в культе императора, чтобы сохранить благоволение Рима.

Поэтому города возводили храмы, посвященные не только одному из великих богов или богинь Рима – Юпитеру, его супруге Юноне, Марсу, Венере или даже «Роме» – но также и «богу» – императору. И перед изображением императора совершались жертвоприношения, как перед изображением богов. Тем не менее, согласно этой прежней точке зрения, император был одним из божеств низшего ранга, и почитание этих людей как богов было ограничено теми из них, кто был обожествлен уже после смерти.

Эта прежняя точка зрения, однако, перестала быть консенсусом среди специалистов. Авторы сравнительно недавних исследований интересовались не столько тем, что могла поведать о римской религии литературная элита из высших слоев общества, сколько тем, что мы можем узнать о взглядах и религиозных практиках основной массы римлян – большая часть которых не умела даже читать, не говоря уже о том, чтобы писать великие исторические труды или биографии. Согласно этим новым исследованиям, категория «веры» применительно к римской религии представляется достаточно сложной. В отличие от хри-

стианства, римская религия не делала акцент на вере или «интеллектуальном содержании» религии. Напротив, она была основана на *действии* — значение имело то, как человек *поступал* по отношению к богам, а не то, что он о них думал или во что верил. В этой перспективе к императорам — как мертвым, так и живым — действительно относились как к богам, иногда почитая их совершенно идентичным образом.

Авторы недавних исследований не считают, что культ императора был пропагандой сверху, намеренно распространяемой римскими чиновниками среди бедных глупцов, которые не знали ничего другого. Скорее, это был целый ряд движений на местах, обычно иницируемых городскими чиновниками провинций, как способ выразить почтение имперской власти. Более того, этот культ имел место и в самом Риме, а не только в провинциальной глуши. Многие люди, по-видимому, вполне искренне верили, что император был богом. Но, независимо от того, верили ли они в это или нет, они, без сомнения, *относились* к императору как к богу. Они не только совершали жертвоприношения (другим) божествам *от имени* императора, но также приносили жертвы и *самому* императору как богу — или по крайней мере его гению или «нумену» — силе внутри него, которая и делала его божественным существом.

Я уже сослался выше на причину, по которой могущественный властитель считался божественным. Он был способен на многие дела, но он также употреблял свои способности во благо, осыпая милостями своих подданных. По всему римскому миру мы находим этот акцент на «благодетельствах» в надписях, посвященных правителям — главным образом императорам, но не только им. Примером извне, но тем не менее связанным с культом императора, может служить надпись, посвященная сирийскому правителю Антиоху III, жившему во II веке до н. э. Антиох освободил город Теас от иноземных захватчиков. В благодарность горожане воздвигли культовые статуи Антиоха и его жены Лаодики и совершили перед ними жертвоприношения во время официальной публичной церемонии. Две статуи были помещены рядом со статуей Диониса, главного божества города, в его храме и сопровождалась следующей надписью в честь Антиоха и Лаодики: «Сделав город и его территорию святыми... и освободив нас от дани... они достойны получать от всех величайшие почести и, деля храм и прочие вещи с Дионисом, должны стать покровителями нашего города и дарить нас своими благодеяниями в ответ».¹³ Политические благодетели считаются «религиозными» героями. Им посвящают статуи, для них отводят место в храме, в их честь приносят жертвы. Они — «спасители» в самом реальном смысле этого слова, и относятся к ним соответственно.

То же касается и императоров. Уже в случае с Августом мы обнаруживаем, что провинция Азия приняла решение отмечать его день рождения ежегодно, как объясняется в благодарственной надписи, за его «благодеяния роду человеческому» и за то, что он был «спасителем, который положил конец войне и устроил все». Август превзошел «всех благодетелей, рожденных до него», так что «день рождения бога знаменовал собой благую весть для всего мира».¹⁴

Если все сказанное покажется христианским читателям знакомым, то это далеко не случайно. Человек, о котором идет речь — в данном случае император, — также бог, чей день рождения следует отмечать, поскольку он знаменует собой «благую весть» для мира; он — величайший благодетель человечества, превосходящий всех прочих, и, следовательно, должен считаться «спасителем». Иисус был не единственным «Богом и спасителем», известным античному миру.

Человек, не являющийся правителем: о кончине Перегрина

До сих пор, говоря о людях, которые, как считалось, стали божествами, я сосредотачивался преимущественно на могущественных правителях. Но и другие выдающиеся люди обладали такой же способностью. Разумеется, среди нас есть немало людей, в достаточной мере наделенных силой, мудростью или добродетелью.

Другие обладают этими же качествами в значительной степени, а есть и такие, чья сила, мудрость или добродетель поистине невероятны. Если в каком-то человеке указанные качества почти превосходят человеческое воображение, то это может объясняться лишь тем, что данный человек не является низшей формой жизни – простым смертным, как все мы – но богом в облике человека. По крайней мере, такое убеждение было широко распространено в греко-римском мире.

Пожалуй, самый очевидный способ оценить убеждения, распространенные в обществе – это анализ сатирических произведений, созданных внутри данного общества. Сатира высмеивает общепринятые представления, обычаи, взгляды и религиозные убеждения. Именно поэтому она представляет собой превосходное средство для постижения верований других культур. Как оказалось, до нас дошли несколько блестящих образцов сатиры из древнего Рима.

Одним из самых замечательных сатириков античных времен был живший во II веке н. э. Лукиан Самосатский, писавший на греческом языке и с присущим ему остроумием нападавший на все возможные представления, в особенности философские и религиозные. Среди многих произведений Лукиана, дошедших до нас, есть книга под названием «О кончине Перегрина». Перегрин был самозванным философом кинического толка. В античности быть киником значило не то же самое, что быть циником в наши дни: это было одним из направлений в философии. Философы-киники настаивали на том, что человек не должен жить ради земных благ. Ты не должен заботиться ни о том, чем владеешь, ни о том, что ты носишь, ни о том, что ты ешь. По сути, ты не должен заботиться ни о чем внешнем, что находится за пределами твоего контроля. Если твой дом сгорел, это не в твоей власти, поэтому тебе не стоит привязываться к своему дому. Если тебя выгнали с работы, это тоже не в твоей власти, поэтому тебе не следует привязываться к своей работе. Если твой супруг или супруга подает на развод или же твой ребенок неожиданно умирает, это тоже не в твоей власти, поэтому тебе не стоит привязываться к семье. Ты можешь контролировать только свое отношение к событиям, происходящим в твоей жизни. Поэтому в первую очередь тебе надо заботиться о своем отношении и о своем внутреннем «я».

Люди, придерживающиеся подобных взглядов, обычно не заинтересованы в удобной и благополучной жизни (поскольку она в любой момент может быть у них отнята). Их не интересует ни то, как их воспринимают другие люди (так как это, опять же, за пределами их контроля), ни принятые в обществе социальные условности (почему они должны их заботить?) Философы-киники, жившие в соответствии со своими убеждениями, не имели никакого имущества, никаких личных привязанностей и часто никакого понятия о манерах. У них не было постоянного жилья и порой они отправляли естественные функции организма на публичке. Поэтому их и называли киниками. Слово *киник* происходит от греческого слова, означающего «собака». Эти люди и впрямь жили, как собаки.

Немало людей за пределами движения киников относились к ним с огромным уважением. Некоторые считали их блестящими философами. А другие, которые хотели *считаться* блестящими философами, становились киниками. В определенном смысле слова сделать это было проще простого. Надо было лишь отречься от всего, чем обладаешь, и объявить подобное отречение добродетелью.

Лукиан считал все движение киников симуляцией, попыткой привлечь к себе внимание без какого-либо серьезного на то основания. И потому он высмеивал киников и их образ жизни. В особенности его нападкам подвергся один из них по имени Перегрин. В книге «О кончине Перегрин» (то есть об его смерти) Лукиан рассказывает подлинную историю этого известного киника, которого другие его современники считали чрезвычайно глубоким философом, по сути божеством, – чего, на взгляд Лукиана, и добивался сам Перегрин. Лукиан приводит забавный очерк жизни Перегрин, но здесь меня больше интересуют события, окружавшие его смерть. В некотором смысле слова вся книга представляет собой лишь предисловие к описанию кончины этого домогавшегося величия сторонника самоотречения.

Перегрин, по слухам, представлял себя самым богом Протеем во плоти и хотел своей смертью продемонстрировать всем свои божественные достоинства. Будучи киником, он провозглашал необходимость воздерживаться от всех удовольствий и радостей этого мира – что было, на взгляд Лукиана, лицемерием. И Перегрин решил доказать свою мысль, добровольно претерпев насильственную и мучительную смерть, дабы показать всем людям, как именно им следует жить.

Он заявил, что хочет принести себя самого в жертву и, согласно Лукиану, осуществил свой план в присутствии огромной толпы, собравшейся наблюдать за этим событием.

Объявив о своем намерении и повсюду раструбив о предстоящем событии (что само по себе, по словам Лукиана, было формой самовозвеличивания), в назначенное время, около полуночи, в преддверии наступающей Олимпиады (на которую, несомненно, должны были собраться толпы зрителей) Перегрин и его последователи сложили огромный костер и зажгли его. Согласно Лукиану, Перегрин надеялся, что его остановит кто-нибудь из тех, кому была нестерпима сама мысль о том, что он покинет земное существование, однако, когда момент настал, он понял, что у него не осталось другого выбора, как только довести дело до конца. И тогда Перегрин бросился в пылающий костер и там закончил свою жизнь.

Лукиан уверяет, будто стал свидетелем этого зрелища, которое он сам считал нелепым и абсурдным. Он говорит, что по возвращении ему попадались люди, шедшие посмотреть – с опозданием – на то, как божественный муж проявит свою отвагу и неуязвимость к боли. Лукиан сообщил им, что они пропустили торжественный момент, однако подробно описал случившееся, причем так, как будто он сам в это верил:

Передавая же людям простоватым и слушающим развеса уши, я присочинял кое-что от себя; я сообщил, что, когда загорелся костер и туда бросился Протей, сначала возникло сильное землетрясение, сопровождаемое подземным гулом, затем из середины пламени взвился коршун и, поднявшись в поднебесье, громким человеческим голосом произнес слова: Покидаю юдоль, возношусь на Олимп! (О *кончине Перегрин*, 39).¹⁵

Итак, Перегрин в облике птицы (не благородного орла, а хищного коршуна) якобы вознесся на гору Олимп, обитель богов, чтобы жить среди них, как и подобало божественному мужу. К нескрываемому удовольствию Лукиана, он затем встретил еще одного человека, также рассказывавшего другим о случившемся. Этот человек уверял, что после сожжения Перегрин якобы видел его в белой одежде и в венке из дикой маслины. Более того, по его словам, еще до этой встречи, когда Перегрин настигла его судьба, он видел вылетевшего из костра коршуна – того самого коршуна, которого выдумал сам Лукиан! Вот так истории сочиняются, передаются из уст в уста и затем начинают приниматься за неопровержимую истину.

Лукиан, разумеется, подвергает все произошедшее осмеянию и завершает свой рассказ, говоря не о божественности Перегрин, а о его чисто человеческих, к тому же малопри-

влекательных, качествах: «Таков был конец несчастного Протея, человека, который, выражаясь кратко, никогда не обращал внимания на истину, но все говорил и делал в погоне за славой и похвалами толпы и даже ради этого бросился в огонь, хотя и не мог наслаждаться похвалами, сделавшись к ним нечувствительным» (О кончине *Перегрина*, 42).

Божественные мужи в греческом и римском мире

Из приведенных примеров мы видим, сколь разными способами в Древнем мире боги могли восприниматься как люди, а люди – как боги. Опять же такой подход к подобным вещам сильно расходится с тем, как большинство людей в наши времена понимают взаимоотношения между человеческим и божественным началами – по крайней мере, люди, воспитанные в западных религиозных традициях (иудеи, христиане, мусульмане). Как я уже отмечал, в нашем мире широко распространено убеждение, что между сферами божественного и человеческого лежит непреодолимая пропасть. Бог есть Бог, человек есть человек, и вместе им не сойтись никогда. Или почти никогда: в христианской традиции такая встреча осуществилась однажды в личности Иисуса. Вопрос, стоящий перед нами, состоит в том, каким образом такое представление могло появиться. В основе этой идеи лежит совершенно иное мировосприятие, в котором божественное не абсолютно, но лишь относительно отдалено от человеческого.

Согласно этому древнему способу мышления, мир людей и мир богов представляют собой континуумы, которые иногда пересекаются в верхней части первого и нижней части второго. Напротив, большинство современных людей, по крайней мере на Западе, считают Бога стоящим во всех отношениях несравненно выше нас, совершенно Иным. И в божественном мире не может быть никакого континуума, ибо нет никаких других богов, которые могли бы этот континуум составить. Есть только один Бог, и Он бесконечно, а не относительно выше любых наших представлений о Нем. Правда, некоторые люди стоят ближе к Богу, чем остальные, – и в некоторых традициях допускается определенное пересечение со сферой божественного (например, святые в Римской католической церкви). Но и тут в итоге Бог сохраняет свою «инаковость» по отношению ко всем и вся и сам по себе находится в совершенно ином плане, нежели остальные.

Но для большинства людей в Древнем мире дело обстояло по-другому. За исключением древних евреев – о которых я подробнее расскажу в следующей главе – все прочие придерживались политеистических верований. Для них существовало множество богов, находившихся на разных ступенях божественности. Это можно заметить по тому, как люди в античности говорили о божественных существах. Рассмотрим в качестве примера следующую надпись из города Митилены, выразившего желание почтить императора, как бога. Этот декрет говорит о людях, которые «достигли небесной славы и обладают высоким положением и властью богов».¹⁶ Однако затем добавляется, что божественный статус императора всегда может быть повышен: «Если в будущем обнаружится нечто более славное, чем эти даяния, энтузиазм и благочестие жителей города не остановятся ни перед чем, чтобы еще больше обожествить его». Последние слова здесь особенно важны: «еще больше обожествить его». Как можно обожествить *еще больше* того, кто уже божество? Это невозможно, если быть божеством означает занимать четко определенное, фиксированное место в небесной иерархии. Но это становится возможным, если причисление к богам помещало человека, скажем, на низший уровень божественного континуума. В таком случае он потом мог двигаться выше. Каким образом? Декрет весьма откровенно выражается на этот счет: причиной, по которой императора в первую очередь рассматривали как божество, были те самые «даяния», которые он сделал для жителей Митилен. Если его милости будут продолжаться, он сам приобретет еще большую божественность.

Когда древние люди воображали себе императора – или любое другое лицо – как бога, это не означало, что император был равен Зевсу или любому другому из богов Олимпа. Он был божественным существом, но стоявшим на гораздо более низком уровне.

Божественная пирамида

Возможно, чтобы лучше понять античную концепцию божественной сферы, полезно представить ее себе не в качестве континуума, а в качестве пирамиды с различными степенями силы, величия и божественности.¹⁷ Некоторые люди в Древнем мире – в особенности философски настроенные – полагали, что во главе царства богов находится одно верховное божественное существо, владыка всего, обладающий бесконечным или практически бесконечным могуществом и иногда считавшийся творцом всего существующего. Этот бог – Зевс, или Юпитер, или неведомый бог – находился на самой вершине того, что мы можем себе представить в виде божественной пирамиды.

Одним уровнем ниже его находились великие боги, известные по легендам и традициям, дошедшим до нас со времен античности – например, двенадцать богов Олимпа, описанных в древних мифах, а также в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера. Среди них такие боги, как Зевс, Гера, Аполлон, Афина, Меркурий и другие. Эти боги обладали фантастической силой, намного превышающей наше воображение. Мифы о них были занятыми рассказами, но большинство людей воспринимало их именно как рассказы – а не как повествование о событиях, действительно совершившихся в истории. Философы пытались «демифологизировать» мифы, то есть очистить их от легендарных деталей, чтобы выявить более глубокую истину о мире и окружающей реальности, скрывающейся за явно литературными чертами. В любом случае этим богам поклонялись как самым могущественным существам во Вселенной. Многие из них считались покровителями больших и малых городов, а некоторые признавались и почитались государством в целом с очевидной целью – заслужить благоволение могущественных богов как во время войны, так и во время мира.

Но они были не единственными божественными существами. На еще более низком уровне божественной пирамиды стояло огромное множество других богов. У каждого большого и малого города имелись свои местные боги, охранявшие, защищавшие данное место и помогавшие ему. Существовали боги со всеми возможными функциями: боги войны, любви, погоды, здоровья, деторождения – вы можете продолжить список сами. Имелись божества у каждой местности: боги лесов, лугов, гор и рек. Весь мир был населен богами. Вот почему древним людям – за исключением иудеев – казалось бессмысленным почитать только одного Бога. Зачем служить *одному* Богу, если их имелось множество и все они заслуживали почитания? Если кто-то решил стать поклонником какого-нибудь нового бога – например, переехав в другую деревню и желая воздать почести местному божеству, – это вовсе не требовало отказа от служения всем прочим богам. Если ты решил принести жертву Аполлону, это никоим образом не мешало тебе принести жертву также Афине или Зевсу, или Гере. Это был мир множества богов и, как мы выразились бы сегодня, религиозной терпимости.

Еще ниже этих богов находились другие уровни. Так, например, существовала группа божественных существ, известных как *daimones*. Иногда это понятие переводится как «демоны», однако это слово, в том смысле, как мы употребляем его сегодня, может вводить в заблуждение. Безусловно, некоторые из этих существ могли творить зло, но не все, и они не были падшими ангелами или злыми духами, которые могли вселяться в людей и заставлять их причинять себе вред, бросаясь навстречу опасности или вращая головой на 360 градусов, или изрыгая рвоту (как в фильме «Изгоняющий дьявола»). Эти *daimones* представляли собой просто божеств низшего уровня, далеко не столь могущественных, как местные боги, не говоря уже о великих богах. Однако, будучи существами духовными, они обладали гораздо большей силой, чем люди. Будучи ближе к людям, чем великие боги, они общались с ними чаще и нередко могли помогать им на жизненном пути, как знаменитый «даймон», который, по утверждению греческого философа Сократа, руководил его действиями. Но если что-то

вызывало их недовольство, они становились вредоносными. Вот почему считалось важным ублажать эти божества, оказывая им должный почет и уважение.

И наконец, в самом низу божественной пирамиды или около того находился уровень, населенный божественными мужами. Здесь аналогия с пирамидой нарушена, так как было бы неверно думать, что эти божественные мужи были более многочисленными, чем различные божества, стоящие над ними. В действительности редко можно было встретить людей настолько могущественных, мудрых или замечательных, что они в определенном смысле слова должны были считаться божественными. Однако время от времени такое случалось. Великий полководец, царь, император, знаменитый философ, женщина непревзойденной красоты – все они не воспринимались, как просто люди. В них присутствовало нечто сверхчеловеческое, а значит, божественное. Возможно, их отец был богом. Возможно, они сами были божествами, временно принявшими человеческий облик. Возможно, благодаря своей собственной добродетели, силе или физическим качествам они считались причисленными к рангу богов. Но, так или иначе, они отличались от нас, простых смертных.

Мы тоже, как я уже отмечал, являемся частью континуума. Некоторые из нас находятся в самом низу – те, кого писатели вроде, например, того же Лукиана Самосатского называли бы отбросами общества. Другие стоят во всех отношениях на среднем уровне, а некоторые из нас полагают, что не только мы, но и наши семьи в целом намного превосходят средний уровень. Иные признают, что среди нас есть отдельные личности, отличающиеся выдающимися качествами. Для древних людей эти качества настолько выдающиеся, что переводят нас в разряд божеств.

Иисус и сфера божественного

Эта точка зрения на божественную сферу не менялась сколько-нибудь значительным образом до тех пор, пока поздние христиане не изменили ее. Трудно установить в точности, когда именно это случилось, но факт остается фактом. К концу IV столетия нашей эры – три века спустя после времени жизни Иисуса, когда империя постепенно обращалась от язычества к христианству, – многие из величайших мыслителей римского мира пришли к убеждению, что божественное царство отделяла от человеческого огромная пропасть. Всемогущий Бог находился «наверху», и кроме него не было никаких других богов, а следовательно, и никакого континуума божественности. Мы же, жалкие грешники, оставались «внизу», в то время как Бог на небе был единственным владыкой всех вещей.

Сам Иисус со временем стал считаться принадлежавшим не нашему миру внизу, но занимавшим место наверху рядом с Богом. Он и сам был Богом – с заглавной буквы. Но как это возможно, если Бог есть Бог, и существовало не множество или даже два бога, но только один-единственный Бог? Как Иисус мог быть Богом и Бог – быть Богом, и при этом Бог оставался единым? Отчасти именно этот вопрос побудил меня написать эту книгу. Но еще более важным и насущным стал вопрос, каким образом такое понимание вообще могло возникнуть. Как Иисус мог превратиться из человека в Бога – в *атомом* смысле этого слова?

Я должен особенно подчеркнуть последнюю фразу. Одна из ошибок, которую часто совершают люди, думая об Иисусе как о Боге, заключается в том, что они принимают точку зрения, широко распространившуюся к концу IV столетия христианской эры – а именно, что между божественной и человеческой сферами лежит огромная пропасть, – и исходят из того, что такое мнение существовало уже в самом начале христианского движения. Эту ошибку допускают не только миряне, но часто – и профессиональные богословы. И не только богословы, но и исследователи всех мастей, включая библеистов (или, вернее, *в особенности* библеистов) и историков раннего христианства. Когда люди, совершающие указанную ошибку, спрашивают: «Как Иисус стал Богом?», они подразумевают то, каким образом Иисус перешел из сферы чисто человеческого – к которой принадлежат миллионы из нас, несмотря на разный уровень таланта, силы, красоты и добродетели – в сферу Бога, самого Бога, единственного и всемогущего Творца и Господа всего существующего? Как Иисус стал БОГОМ?¹⁸

Вопрос и в самом деле интересный – потому, что это на самом деле произошло. Иисус стал Богом в том основном смысле, который вкладывался в это понятие с IV века н. э. Но он рассматривался как Бог и до того, причем людьми, которые не разделяли присущее IV веку понимание взаимоотношений между человеческим и божественным. Поэтому, говоря о раннем христианстве и задавая вопрос: «Считали ли христиане Иисуса Богом?», нам необходимо слегка перефразировать вопрос и спросить: «В каком *смысле* христиане считали Иисуса Богом?» Если сфера божественного представляла собой континуум, а не абсолют, ступенчатую пирамиду, а не точку в пространстве, тогда именно этот *смысл*, в котором Иисус является Богом, становится с самого начала основным.

Из последующих глав станет ясно, что первоначально Иисус не воспринимался как Бог ни в каком смысле этого слова, и лишь постепенно стал считаться своими последователями божественным в относительном смысле, прежде чем быть приравненным к Богу Творцу в смысле абсолютном. Но – я должен подчеркнуть особо – все это явилось результатом определенного развития.

Один из устоявшихся выводов современных исследователей Нового Завета и раннего христианства за последние два столетия состоит в том, что последователи Иисуса во время его жизни воспринимали его как полностью и во всех отношениях человека, а не как Бога.

Люди смотрели на Иисуса как на учителя, раввина, даже как на пророка. Некоторые считали его (вполне земным) Мессией. Но он был рожден, как все прочие, и ничем от них не отличался. Он вырос в Назарете и не совершил в юности ничего особенно примечательного. Став взрослым – а, возможно, еще в детстве – он, как и многие другие евреи той эпохи, пришел к убеждению, что живет в последние времена и что Бог скоро вмешается в ход истории, чтобы ниспровергнуть силы зла и установить свое благое царство здесь, на земле. Иисус чувствовал себя призванным провозглашать эту весть о грядущем конце света, что он и делал на всем протяжении своего общественного служения.

В итоге Иисус навлек на себя гнев религиозных властей во время своего пребывания в Иерусалиме, и они приказали арестовать его и отдать под суд. Его привели к прокуратору Иудеи, Понтию Пилату, и после короткого разбирательства обвинили в политическом мятеже: Иисус утверждал, будто он – царь Иудейский, в то время, как только римские повелители, управлявшие не только Палестиной, но и всем Средиземноморьем, имели право назначать царей. В качестве политического мятежника он был приговорен к особенно мучительной и позорной смерти – распятию. И, с точки зрения римлян, на этом его история закончилась.

Но в действительности она на этом не закончилась. И мы возвращаемся все к тому же движущему вопросу нашего исследования. Каким образом апокалиптический пророк из сельской Галилеи, казненный за преступления против государства, стал считаться равным всемогущему Богу, создателю всех вещей? Как Иисус – в умах и сердцах своих последователей – стал Богом?

Чтобы найти ответ, очевидным образом следует начать с анализа жизни и учения Иисуса. Но перед этим нам нужно рассмотреть религиозную и культурную матрицу иудаизма I века н. э., внутри которой он жил и провозглашал свою весть. Как мы увидим, несмотря на то, что иудеи, в отличие от окружавшего их мира язычников, верили в существование единственного Бога, которому следовало поклоняться и служить, они не отличались от язычников в понимании взаимоотношений между божественной сферой и миром людей, в котором мы живем. Иудеи также верили в то, что божества могли становиться людьми, а люди – божествами.

Глава 2

Божественные мужи в раннем иудаизме

Когда в середине 1980-х годов я начинал преподавательскую карьеру, мне предложили место адъюнкт-профессора в Университете Ратджерса. Поскольку внештатные преподаватели, работавшие на полставки, редко получали много денег, мне приходилось браться за другие работы, чтобы свести концы с концами, в том числе в Институте перспективных исследований в Принстоне. Там как раз разворачивался долгосрочный проект, получивший название Принстонский проект по эпиграфике. Он включал в себя сбор, каталогизацию и ввод в компьютерную базу данных всех надписей из крупнейших городских центров античного Средиземноморья. Результаты впоследствии были опубликованы в отдельных томах для каждой местности. Я исполнял функции рядового сотрудника при ответственном лице – в отличие от меня, опытным специалисте, который мог читать любую древнюю надпись, как газету. Моей задачей было вводить надписи в компьютер и редактировать их. Одним из мест, порученных мне, был античный город Приена на западном побережье Турции. Раньше я никогда не слышал о Приене, но собрал и занес в каталог все надписи, которые когда-либо были там найдены и опубликованы до сих пор.

Перевернем листки календаря. Мы в 2009 году, и моя жизнь заметно изменилась. В качестве штатного профессора Университета Северной Каролины я получил возможность путешествовать по всему миру – и воспользовался ею. В то лето я решил совершить поездку по Турции в сопровождении моего хорошего знакомого, Дейла Мартина, профессора Нового Завета из Иеля, чтобы осмотреть различные места археологических раскопок. Мы провели там две недели, почти не строя планов заранее, а просто путешествуя по стране по собственному желанию. Это было потрясюще.

Одним из самых памятных оказалось посещение древней Приены. Это удивительное по красоте место, окруженное горами. За последние годы немецкие археологи провели здесь крупные раскопки, но по большей части город выглядит пустынным. Тут есть развалины храмов, домов, магазинов и улиц, а также театра, вмещавшего до пяти тысяч зрителей. Интересен булевтерий – здание городского совета, где когда-то собирались представители местных властей – который все еще возвышается в форме квадрата с сиденьями вдоль трех сторон. Крупнейшее строение – храм Афины Паллады, чьи колонны рухнули, а поддерживавшие их стержни оказались рассыпанными по земле.

И, конечно, сохранилось множество греческих надписей, только и ждущих, чтобы кто-нибудь их прочитал.

В тот день, пока я разглядывал одну из надписей, меня вдруг осенило. То была мысль совершенно очевидная – идея, которую специалисты обсуждали уже многие годы – но никогда прежде она не поражала меня с такой силой. Как такое могло случиться? Почему это не приходило мне в голову раньше? Мне пришлось присесть и задуматься на четверть часа, прежде чем я смог продолжить осмотр.

В то время я как раз делал первоначальные наброски для этой книги и планировал описать превращение Иисуса в Бога как результат сугубо внутрехристианского развития – как логическое следствие учения Иисуса, появившееся благодаря тому, что некоторые из его последователей уверовали в его воскрешение из мертвых (как я объясню в последующих главах). Однако мне и в голову не приходило поставить это развитие в связь с тем, что происходило за пределами христианской религии. И тут я прочитал эту надпись на камне, лежавшем рядом с храмом в Приене. Надпись упоминала Бога (Цезаря) Августа.

И тогда мне стало ясно: время возникновения христианства с его возвышенными заявлениями касательно личности Иисуса было одновременно тем самым временем, когда культ императора, с возвышенными заявлениями касательно его личности, начал набирать обороты. Христиане называли Иисуса Богом вслед за римлянами, которые также называли императора богом. Было ли это исторической случайностью? Да и как это могло быть случайностью? Речь шла не просто о параллельном развитии. Имело место соперничество. Кто был *истинным* богом на земле – император или Иисус? В тот момент я осознал, что христиане возвели Иисуса в божественное достоинство не на пустом месте. Они сделали это под влиянием среды, в которой жили, и в диалоге с нею. Как я заметил выше, другие уже выдвигали раньше подобную идею. Но тогда она поразила меня, как удар молнии.

Именно там и тогда я решил изменить концепцию своей книги. Но тут мне пришла на ум еще одна очевидная проблема. Первыми христианами, заговорившими о божественности Иисуса, были не язычники из Приены, а евреи из Палестины. Разумеется, эти евреи также знали о культе императора. В действительности в I веке этот культ практиковался в некоторых наиболее эллинизированных городах Палестины. Однако первые последователи Иисуса не испытали особого влияния греческой культуры. Они были евреями из сельской местности и отдаленных деревень Галилеи. Возможно, уже после того как христианская Церковь стала по преимуществу нееврейской, а большинство ее членов составили новообращенные язычники, усилившийся акцент на божественности Иисуса (по контрасту с божественностью императора) обрел смысл. Но что было в самом начале?

Итак, я мысленно обратился к божественным личностям в иудаизме. Здесь кроется главная загадка. Евреи, в отличие от своих языческих соседей, были монотеистами. Они верили в единого Бога. Как они могли утверждать, что Иисус – Бог, и вместе с тем сохранять свою веру в единого Бога? Если Бог был Богом, и Иисус также был Богом, разве речь не шла о *двух* богах? Я понял, что мне придется провести дальнейшие исследования, чтобы разобраться в этом вопросе.

Иудаизм в Древнем мире

Первым шагом, разумеется, должно стать изложение в самых общих терминах того, что именно представлял собой иудаизм в античном мире около времени жизни Иисуса. Основное внимание будет уделено тому, во что «верили» евреи той эпохи, поскольку меня интересует вопрос, каким образом вера в Иисуса как в Бога могла укладываться в иудейский образ мыслей в более широком смысле слова. Следует подчеркнуть, однако, что в иудаизме вера занимает отнюдь не первостепенное положение; для большинства евреев иудаизм представлял собой набор религиозных практик в той же, а возможно, даже в большей степени, что и набор верований. Быть иудеем означало жить определенным образом. Это подразумевало участие в определенных «религиозных» обрядах, например жертвоприношениях, молитвах и слушании чтения Писания. Это также предполагало определенный стиль жизни – например, соблюдение пищевых запретов и почитание субботы – а также следование специальным ритуальным практикам, таким как обрезание младенцев мужского пола и соблюдение еврейских праздников, и бытующим этическим нормам, вроде тех, которые мы находим в Десяти заповедях. Все это – и многое другое – означало быть иудеем в древности. Но для целей настоящей главы меня главным образом интересует то, что евреи того времени думали о Боге и о божественной сфере, так как именно исходя из этого можно понять, каким образом человек вроде Иисуса мог считаться Богом.

Сама постановка вопроса – что именно думали иудеи – весьма проблематична, так как разные группы иудеев придерживались разных мнений. Это примерно то же самое, что спросить, что именно думают на сей счет христиане сегодня. Некоторые из них, скорее всего, ответят, что Христос – совершенный Бог и совершенный человек. И это будет правдой – за исключением тех христиан, которые продолжают считать, что он в действительности был Богом и только по видимости казался человеком, а также тех, кто полагает, что он был человеком, достигшим необычайного уровня святости, но все же не Богом. Возьмите почти любую из доктрин христианской церкви и убедитесь сами, что многие люди, причисляющие себя к христианам, придерживаются убеждений, отличных от тех, которые разделяют другие христиане. Как шутят по этому поводу некоторые представители Епископальной церкви, соберите четырех человек в одной комнате и получите пять мнений. То же самое относится и к древним иудеям.

Широко распространенные иудейские верования

Держа в уме все эти оговорки, я постараюсь вкратце объяснить, во что, судя по всему, верило большинство иудеев во времена Иисуса. (Более детальный анализ, разумеется, потребовал бы отдельной большой монографии.)¹ Иудеи в целом были монотеистами. Они знали, что язычники почитали множество богов, но для них существовал лишь один-единственный Бог. То был их Бог, Бог Израиля. Этот Бог сотворил мир и все, что в нем есть. Более того, Он обещал их праотцам бесчисленное потомство, которое и составило народ Израиля. Он избрал из всех народов израильтян и заключил с ними завет – то есть договор, или мирное соглашение – по которому Он будет их Богом, если они будут Его народом. Последнее означало, что они будут следовать Закону, который Он им дал – закону Моисееву, записанному в первых пяти книгах Еврейской Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, которые вместе именуются Торой (еврейское слово, означающее «закон»).

То был Закон, который Бог передал своему пророку Моисею после того, как избавил народ Израиля от рабства в Египте, как описано в книге Исход. Закон включал указания о богослужении (например, посредством жертвоприношений); о том, как отделиться от других народов (например, через соблюдение законов о кошерной пище) и как жить единой общиной (например, через следование этическим наставлениям Десяти заповедей). В самом сердце еврейского Закона лежала заповедь служить только единому Богу Израиля. В самом начале Десяти заповедей говорится: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх 20:2–3).

Ко времени жизни Иисуса многие иудеи (но не все), помимо Торы, почитали священными и другие древние писания. Среди них книги пророков (таких, как Амос, Исайя и Иеремия), описывавшие историю Древнего Израиля и провозглашавшие слово Бога в тяжелых ситуациях, с которыми люди сталкивались во времена испытаний. Были и другие тексты, как, например, книги Псалмов и Притчей, наделенные особым авторитетом свыше. Некоторые из них перефразировали учение Торы, прилагая слова Закона к новым жизненным ситуациям. Например, Книга пророка Исайи с особой силой утверждает принципы монотеизма: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня» (Ис 45:5), или, как говорится у пророка дальше в той же главе:

Ко Мне обратитесь, и будете спасены,
все концы земли,
ибо я Бог, и нет иного.
Мною клянусь:
из уст Моих исходит правда,
Слово неизменное, что
предо Мною преклонится всякое колено,
Мною будет клясться всякий язык (Ис 45:22–23).

Исайя здесь выражает точку зрения, которая приобрела особое значение в истории иудаизма. Не только Бог Израиля – единственный Бог, но со временем все осознают это. В будущем все народы земли преклонятся перед Ним одним и исповедают Его имя.

Возможно ли разнообразие божественных существ в иудаизме?

Учитывая пронизывающий все Писание акцент на единственности Бога, можно ли себе представить, что древние евреи могли иметь свое подобие божественной пирамиды? В языческой системе верований легко вообразить, что не только боги могут на время становиться людьми, но и люди могут в определенном смысле быть богами. Но как это возможно, если существует только один Бог?

В этой главе я доказываю, что это и впрямь было возможно, и более того, что иудеи также признавали существование «божественных мужей». Однако прежде чем вдаваться в детали, каким образом это могло случиться, я должен сделать два важных замечания относительно еврейского монотеизма. Первое из них состоит в том, что не все древние израильтяне придерживались монотеистических взглядов – идеи существования только одного Бога. Свидетельство тому – уже тот самый стих из Торы, в самом начале Десяти заповедей, который я процитировал выше. Заметьте, как именно сформулирована заповедь. Она не говорит: «Ты должен верить, что есть только один Бог», но: «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Изложенная в таком виде, эта заповедь предполагает, что *есть* другие боги, но ни одному из них нельзя поклоняться «пред лицом» или вместо Бога Израиля. Со временем заповедь стала интерпретироваться так, что ни один из этих других богов не должен быть почитаем наряду или даже *после* Бога Израиля.

Но все это не означает, что другие боги не существуют. Им просто запрещено поклоняться.

Эту точку зрения специалисты называют *генотеизмом*, в отличие от того, что я до сих пор именовал *монотеизмом*. Монотеизм утверждает, что есть только один Бог. Генотеизм – точка зрения, согласно которой есть и другие боги, но только один Бог должен быть почитаем. Десять заповедей, как и большая часть Еврейской Библии, выражают генотеистические взгляды. Книга пророка Исайи, в которой говорится: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня», содержит монотеистическую концепцию Бога. Но в Еврейской Библии эта книга выражает мнение меньшинства.

Ко времени жизни Иисуса многие, возможно большинство иудеев, перешли в монотеистический лагерь. Однако мешала ли им эта точка зрения допускать наличие других божественных существ в небесной иерархии? Оказывается – и это мое второе замечание – что и тут дело обстояло не так. Древние евреи могли (как правило) не называть другие сверхчеловеческие создания «Богом» или богами. Но такие сверхчеловеческие создания существовали. Другим словами, были существа, жившие не на земле, но на небе и обладавшие божественными, сверхчеловеческими силами, пусть даже они и не считались равными самому Всевышнему Богу. В Еврейской Библии, например, присутствуют ангелы, херувимы, серафимы – служители Бога, которые славят Его и исполняют Его волю (см., например, Ис 6:1–6). Эти создания обладают фантастической силой и стоят намного выше людей на шкале бытия. По сути, это божества низшего уровня. Ко времени написания Нового Завета мы встречаем еврейских авторов, ссылающихся на такие сущности, как начала, власти, престолы и господства – безымянные существа из божественного мира, действующие не только на небесах, но и на земле (см. Еф 6:12, Кол 1:16). И все они занимают свое место в иерархии, составляя континуум власти. Некоторые космические существа обладают большим могуществом, нежели другие. Так, иудейские тексты содержат упоминания архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила. Эти божественные силы стоят намного выше людей, хотя гораздо ниже самого Бога.

Суть моих доводов такова: даже в рамках иудаизма, как считалось, существовал свой континуум небесных существ и божественной власти, во многих отношениях сравнимый с тем, что можно встретить в язычестве. Это справедливо и для тех авторов, которые относятся к строгим монотеистам. Они могли верить в существование одного верховного существа, которое называли Богом Всемогущим, точно так же, как некоторые языческие философы полагали, что существовал один истинный бог, стоявший над всеми прочими на самой вершине «пирамиды». И некоторые иудеи – возможно, большинство из них – настаивали на том, что только этого единого Бога следовало почитать. Но нам известно также и о других иудеях, которые считали вполне достойным и приемлемым воздавать почести другим божественным существам, например архангелам. Они верили, что если уместно простираться ниц перед земным царем, точно так же уместно оказывать почести существу, превосходящему его величием, такому, как ангел.

Мы знаем о том, что некоторые иудеи считали справедливым поклонение ангелам в немалой степени еще и потому, что многие из дошедших до нас текстов высказываются *против* этого.² Обычно мы не издаем законы, запрещающие действия, которые и без того никогда не совершаются. Ни один город на земле не стал бы законодательно запрещать неосторожный переход пешеходом улицы или езду на повышенной скорости, если бы никто и никогда не делал ни того, ни другого. Древние авторы настаивали на том, что ангелов *не* следует почитать именно потому, что ангелы *были* почитаемы. И те, кто это делал, могли считать, что тем самым не нарушают Десять заповедей. Бог был наивысшим источником всего божественного, но существовали и другие, низшие божества – даже внутри монотеистического иудаизма.

Именно в данном контексте я перехожу к главному предмету моего внимания в этой главе: божественные существа внутри иудаизма, ставшие людьми, и людям, ставшим божественными существами. Я рассматриваю здесь три категории, примерно соответствующие тем трем способам, которыми человек мог стать божеством в языческом мире. В рамках иудаизма мы встречаем божественных существ, ставших на время людьми, полубогов, рожденных от союза божественного существа и смертной женщины, и людей, которые являются – или становятся – богами.

Божественные существа, ставшие на время людьми

Ангелы в древнем иудаизме понимались широкими кругами как сверхъестественные вестники Бога, посредники в осуществлении его воли на земле. Поразительно, что различные ангелы время от времени появлялись на земле в человеческом облике. Более того, в некоторых древнееврейских текстах упоминается личность, известная как Ангел Господень, которая понимается как «верховный» ангел. Личность эта превозносится настолько, что в некоторых пассажах отождествляется с самим Богом. Однако иногда Ангел Господень появляется в облике человека. Это иудейская параллель к языческому представлению о богах, которые могли принимать человеческое обличье, чтобы посетить землю.

Ангел Господень как Бог и человек

Один из самых ранних примеров в Писании встречается в главе 16 книги Бытие. История такова: Бог обещал Аврааму, что у него будет множество потомков и что он сам станет праотцом народа Израиля. Однако Авраам бездетен. Его жена Сара отдает ему свою служанку Агарь, чтобы он мог зачать с ней ребенка. Авраам охотно подчиняется, но в скором времени Сара начинает ревновать к Агари и дурно с ней обращаться. Агарь решает убежать.

Ангел Господень затем находит Агарь в пустыне и говорит с ней (Быт 16:7). Он приказывает Агари вернуться к своей госпоже и сообщает о том, что у нее, Агари, родится сын, от которого произойдет (другой) великий народ. Но затем, уже после того, как вестник с небес был назван Ангелом Господним, текст указывает на то, что в действительности с ней говорил сам Господь (16:13). Более того, Агарь понимает, что обращалась к самому Богу, и выражает свое изумление тем, что она «видела здесь в след видящего меня» (16:13). Здесь уже присутствует определенная путаница и двусмысленность: или Бог является как ангел в виде человека, или Ангел Господень и есть сам Господь Бог в человеческом обличье.

Подобная же двусмысленность имеет место двумя главами ниже, на сей раз – с Авраамом. В Быт 18:1 мы читаем: «И явился ему Господь у дубравы Мамре». Но по ходу рассказа выясняется, что перед Авраамом предстали «три мужа» (18:2). Авраам, как гостеприимный хозяин, приказывает приготовить для них отличный ужин, который все трое съедают. Когда позже гости беседуют с Авраамом, один из «трех мужей» прямо отождествляется с «Господом» (18:13). Как выясняется в конце рассказа, двое других были «Ангелами» (19:1). Следовательно, перед нами случай, когда два ангела и сам Господь Бог приняли человеческий облик – вплоть до того, что они предстают перед Авраамом в виде трех мужей и едят пищу, которую он для них приготовил.

Самый известный случай подобной двусмысленности обнаруживается в рассказе о Моисее и горящем кусте (Исх 3:1-22). Предыстория такова: Моисей, сын евреев, воспитан в Египте дочерью фараона, однако вынужден бежать после того, как убил египтянина, и сам фараон разыскивал его, чтобы уничтожить. Моисей бежит в землю Мадямскую, где женится и становится пастухом при стадах своего тестя. Однажды, когда он пас овец, Моисей становится свидетелем необычного зрелища. Как рассказывается, он пришел к горе Хорив (то есть горе Синайской, где уже после Исхода ему был дан Закон), и тут «явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста» (Исх 3:2). Моисей удивлен тем, что куст «горит огнем, но не сгорает». И хотя, как сказано ранее, ему явился Ангел Господень, именно Господь видит, как Моисей приблизился к кусту, и именно Бог обращается к нему «из среды куста». По сути, Ангел Господень говорит Моисею: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх 3:6). И на всем протяжении истории Господь Бог продолжает беседовать с Моисеем, а Моисей – с Богом. Тогда в каком же смысле ему явился Ангел Господень? Как указывает полезное примечание из учебной Библии издательства *HarperCollins*, «хотя в стихе 2 говорится о явлении *ангела*, нет никакого существенного различия между самим божеством и его посредниками».³ Или, как выразился на этот счет исследователь Нового Завета Чарльз Гисхен, Ангел Господень либо «неотличим от Бога, как его видимая манифестация», либо представляет собой отдельную личность, отличную от Бога, которая, однако, наделена божественным авторитетом.⁴

Другие ангелы как Бог и люди

Есть и другие многочисленные примеры как из Еврейской Библии, так и из прочих иудейских писаний, в которых ангелы описываются как Бог и, что не менее важно, ангелы представлены как люди. Один из самых интересных – Пс 81/82. В этой прекрасной мольбе о правосудии для слабых и нуждающихся мы читаем (стих 1): «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд». Здесь Всемогущий Бог представлен как глава собравшегося вокруг него божественного совета – ангельских существ, с которыми Бог совещается, как это случается и в других местах Библии. Самое известное из них – глава 1 Книги Иова, где среди других божественных существ числится сам сатана.⁵ В пассаже из Книги Иова эти божественные существа, составляющие совет, именуются «сынами Божиими». Здесь же, в псалме 81/82, они называются «сынами Всевышнего», более того, «Elohim» (81/82:6) – еврейским словом, означающим «Бог» (это слово стоит во множественном числе и обычно переводится как «боги», когда речь не идет о едином Боге). Эти ангельские существа – «боги». Но в данном псалме они осуждаются за то, что не заботятся о бедных, слабых и угнетенных. Из-за недостатков этих «богов» Бог приговаривает их к самому суровому наказанию: он делает их смертными, так что они умрут и перестанут существовать (81/82:7).

Эти ангельские существа, сыны Божьи, могут называться богами. И во многих текстах мы сталкиваемся с тем, что такие существа становятся людьми. Здесь я могу обратиться к некоторым примерам за пределами Библии. В одном иудейском тексте, вероятно, датированном I веком христианской эры, *Молитва Иосифа*, мы встречаем патриарха Иакова, говорящего от первого лица и намекающего на то, что он в действительности ангел Божий: «Тот, кто вещает тебе, я, Иаков и Израиль, ангел Бога... я – перворожденный всего живущего, всего, что получает свою жизнь от Бога».⁶ «Ангел Бога Уриил явился и молвил: «Я спустился на землю и был помещен между людьми, я был назван именем Иакова». Далее он именуется «архангелом силы Бога», «возвышающимся» среди сыновей Бога. И здесь архангел является в облике человека – в данном случае патриарха Иакова, известного по книге Бытие.

В качестве второго примера приведу еще одну иудейскую книгу, написанную примерно в то же время, под названием «Апокалипсис Авраама». Ее автор описывает видение, якобы полученное патриархом Авраамом, праотцом евреев. Авраам слышит голос, но не видит говорящего; в изумлении он падает ниц на землю, словно жизнь покинула его (10:1–2). Лежа лицом вниз на земле, он слышит голос Бога, приказывающего ангелу по имени Иоаль сойти вниз и укрепить его. Иоаль является Аврааму «в облике человека» (10:4), поднимает его с земли и укрепляет его. Он говорит Аврааму, что он тот самый ангел, который приносит мир враждующим группировкам на небесах и творит чудеса не только на земле, но и в Гадесе, царстве мертвых. Когда Авраам смотрит на ангела, он видит, что его тело подобно сапфиру, лицо – хризолиту, волосы белы как снег, а голова увенчана радугой. У него пурпурные одежды, как у царей, и золотой посох в руках (11:2–3). Здесь перед нами могущественный ангел, временно воплотившийся на земле, чтобы исполнить волю Бога – в данном случае быть с Авраамом во время его различных земных деяний.

Люди, ставшие ангелами

Другие тексты говорят не только об ангелах (или даже Боге), ставших людьми, но и о людях, ставших ангелами. Многие мои современники придерживаются точки зрения, что, умирая, люди превращаются в ангелов (по крайней мере, если они были «хорошими» в земной жизни). В действительности это убеждение очень старо. Во втором (сирийском) «Откровении Баруха», одном из величайших апокалипсисов, дошедших до нас от раннего иудаизма (*апокалипсис* — видение небесных тайн, призванное объяснить земные реалии), мы узнаем, что праведники будут преобразены «в ангельское сияние... Они будут жить на вершинах этого мира, они будут подобны ангелам и сравнимы со звездами... Но тогда праведникам будет принадлежать преимущество перед ангелами» (2 *Вар.* 51.3-10).⁷ То есть праведники станут ангелами, превосходящими в величии прочих ангелов — и даже звезды, которые, по верованиям многих древних людей, представляли собой фантастически могущественных ангелов.

Некоторые древнееврейские тексты описывают преобразование отдельных людей в ангелов в момент кончины. Один из самых загадочных персонажей Еврейской Библии — живший в глубокой древности Енох.

Нам крайне мало известно об этом человеке из кратких комментариев в основном библейском пассаже, упоминающем о нем, Быт 5. Мы узнаем, что он был отцом Мафусала, прожившего самую долгую жизнь из всех людей, упоминаемых в Писании (969 лет, согласно Быт 5:27) и прапрадедом Ноя. Но самое поразительное то, что когда Енох достиг возраста в 365 лет, он был взят из этого мира — но не умер: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт 5:24). Эта лаконичная фраза вызвала целый поток всевозможных домыслов и фантастической литературы в древнем иудаизме. Еноху приписано несколько древних апокалипсисов. Кто мог лучше знать о будущих путях истории или о небесном царстве, чем тот, кто был живым взят на небо, избежав смерти?

Во *Второй книге Еноха* (2 *Ен*), написанной примерно во времена жизни Иисуса, мы находим одно из мнений, что случилось с Енохом после того, как он был вознесен в небесное царство (2 *Ен* 22:1-10). Там сказано, что Енох оказался в присутствии самого Бога и пал ниц перед Ним. Бог приказывает ему подняться и говорит своим ангелам: «Да вступит Енох, чтобы стоять перед лицом моим во веки».⁸ Затем Бог говорит архангелу Михаилу: «Возьми Еноха, и сними с него земные одежды, и помажь елеем многоценным, и облеку в ризы славы». Михаил так и делает. Енох размышляет о своем преобразении от первого лица: «И оглядел я всего себя: и стал я, как один из Славных, и не было на вид различия». В результате этой «ангелификации», если мы можем так выразиться, лицо Еноха становится таким сияющим, что никто не мог взглянуть на него (37.2), и он больше не нуждается в еде или сне (23.3; 56.2). Иными словами, он приобретает одинаковые черты с ангелом.

Нечто похожее, как утверждается, произошло с Моисеем. Смерть Моисея описана в Библии в загадочных выражениях: мы узнаем, что он умер в одиночестве, и никто так и не узнал, где находится место его погребения (Втор 34:5–6). Более поздние авторы полагали, что он был взят на небо, чтобы пребывать там. Так, из апокрифической Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова, мы узнаем, что Бог «сравнил его (Моисея) в славе со святыми и возвеличил его делами на страх врагам» (Сир 45:1–5). Таким образом, он стал равен ангелам. Некоторые авторы считают Моисея стоящим даже выше ангелов, как в книге, приписанной человеку, известному под именем Иезекииль Трагик, который указывает, что Моисею был вручен скипетр, и затем его пригласили воссесть на трон, увенчав его голову диадемой, так что даже звезды склонились перед ним. Вспомним, что звезды считались самыми могуще-

ственными из ангелов. Здесь они оказывают почтение Моисею, который был преображен в существо еще более великое, чем они сами.

Подводя итог нашим находкам на данный момент, скажем следующее. Ангел Господень иногда представлен в Библии как сам Господь Бог, и время от времени он появляется на земле в человеческом облике. Другие ангелы – члены божественного совета – названы богами, однако превращены в смертных. Есть и такие ангелы, которые появляются на земле под видом людей. Что еще важнее, некоторые иудейские тексты говорят о людях, ставших в момент кончины ангелами – или даже существами, превосходящими ангелов и достойными поклонения. Сущностная связь этих находок с нашим вопросом, каким образом Иисус стал считаться божеством, уже должна понемногу становиться ясной. В одной из важных работ по первоначальной христологии исследователь Нового Завета Ларри Хуртадо приводит следующий ключевой тезис: «По моему суждению, домыслы об ангелах в целом и других видах божественного посредничества... предоставили ранним христианам основную схему, позволявшую поместить воскресшего Христа рядом с Богом, не отклоняясь при этом от собственной монотеистической традиции».⁹ Иными словами, если люди могли быть ангелами (а ангелы – людьми), и если ангелы в свою очередь могли быть богами, а верховный ангел – даже самим Богом, то для того, чтобы сделать Иисуса божественным, достаточно просто представить его как ангела в человеческом облике.

Божественные существа, родившие полубогов

В главе 1 мы выявили одну из общих тем в языческой мифологии: божественные мужи или полубоги, родившиеся от союза смертной женщины и божества (например, похотливого Зевса). Разумеется, в иудейских текстах мы подобных вещей не встречаем, поскольку человеческие страсти, такие, как сексуальное влечение или похоть, как правило, считались совершенно недостойными Бога Израиля. Гнев и ярость – да, половая любовь – нет, особенно если она была сопряжена с такими скандальными действиями, как изнасилование.

Тем не менее некие отдаленные аналоги этим рассказам можно найти даже в текстах иудаизма – не о самом Боге, но о его ближайших прислужниках, «сынах Божиих», или ангелах, которые иногда вступали в интимную связь с земными женщинами и имели от них потомков, наделенных сверхчеловеческой силой. Намек на это мы встречаем уже в первых главах книги Бытие.

Из удручающе короткого пассажа в Быт 6 мы узнаем, что «сыны Божии», взглянув на землю, увидели там прекрасных женщин и прониклись к ним желанием. «И брали их себе в жены, какую кто избрал» (6:2). Более того, «сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им» (6:4). Бог был недоволен таким поворотом событий и потому решил ограничить жизнь людей 120 годами, а вскоре после этого пришел к мысли избавиться от них всех, наслав на землю потоп, избежать которого удалось только Ною и его семье. Кем же были потомки от этих союзов сынов Божьих и смертных женщин? Мы читаем: «В то время были на земле исполины (*Nephilim*)», «сильные, издревле славные люди», которые и являлись их потомками (6:4). Само слово *Nefilim* означает «те, которые пали». В книге Числа они называются гигантами, которые когда-то населяли землю Ханаанскую (13:3). Если объединить все эти детали воедино, получается, что божественные существа – сыны Божьи – имели сексуальные отношения с земными женщинами, породив с ними полубогов-гигантов.

Я называю их «полубоги», во-первых, потому, что они были потомками от браков между божественными существами и смертными и, во-вторых, потому, что они не обитали на небесах, как другие божества. Однако они стоят выше прочих людей – гиганты, представляющие собой фантастических воинов, по вполне очевидным причинам. В качестве заметки на полях добавлю, что, на мой взгляд, чтобы сыны Божьи могли вступить в брачные союзы с земными женщинами, они должны были принять человеческий облик. Здесь мы опять встречаемся с божественными существами, принимающими человеческую форму и способными производить на свет другие сверхчеловеческие существа. Перед нами – иудейская версия языческих мифов.

Более полное изложение этого рассказа из книги Бытие можно найти в еще одном древнееврейском апокалипсисе, приписанном уже упоминавшемуся загадочному библейскому персонажу по имени Енох. Неканоническая *Первая книга Еноха* представляет собой собрание различных текстов, соединенных воедино более поздними редакторами. Первая часть книги, называемая Книгой стражей, включает главы 1-36. По-видимому, первоначально она существовала отдельно от остальной части *Первой книги Еноха*; исследователи обычно датируют ее III веком до н. э. Значительная часть Книги стражей – это развернутое изложение краткого, но наводящего на раздумья эпизода из Быт 6; в *Первой книге Еноха* эти персонажи именуются стражами (главы 6-16). В отличие от Быт 6 здесь они, кроме того, прямо названы «ангелами».

В книге сказано, что таких падших ангелов было двести, и из нее мы даже узнаем имена их предводителей, среди которых такие могущественные ангелы, как Семейяза, Рамуел и Тамиел. Согласно рассказу, эти двести ангелов спустились на гору Ермон, выбрали себе каждый по жене и начали «входить к ним». Потомство, появившееся в результате этих сою-

зов, и впрямь отличалось гигантскими размерами: говорится, что рост каждого составлял 450 футов (137 м 16 см). Естественно, что такие огромные существа были необычайно прожорливы: вскоре они уничтожили всю пищу и принялись есть людей. Не удивительно, что Бог был недоволен.

Эти ангельские существа, или стражи, занимались также и другими незаконными делами: они научили людей магии, медицине и астрологии – некоторым из искусств, считавшихся запретными, – а также познакомили их с металлургией, что позволило производить не только украшения, но и оружие. Трое из ангелов в небесах – Михаил, Гавриил и Сурьйян (или Сари'эл) – видят все, что происходит на земле, и обращаются с жалобой к Богу. Бог в ответ насыляет потоп, чтобы уничтожить гигантов и все живущее. Затем стражи связаны и брошены в отверстие пустыни, где им предстоит обитать во тьме в течение семидесяти поколений, пока в День Суда они не будут отправлены в неугасимый огонь. Еноху дается указание произнести над ними приговор: «Будучи духовными, святыми, в наслаждении вечной жизни, вы осквернились с женами, кровью плотскою родили детей, возжелали крови людей и произвели плоть и кровь» (3:44).¹⁰ В этой иудейской версии божественные существа осуждаются как раз за то, что в языческой версии делал Зевс.

Далее текст поясняет: «И теперь исполины, которые родились от тела и плоти, будут называться злыми духами... Злые существа выходят из тел их» (15:8–9). Судя по всему, этот отрывок призван объяснить, откуда взялись те, кто впоследствии получил название демонов. И тут мы встречаем точку зрения еще ближе к той, которую мы находим в языческих мифах: потомки от союза божественных существ и людей – другие божественные существа, в данном случае демонические силы, терзающие мир.

Другие божественные личности, не являющиеся людьми

Есть и другие фигуры, помимо самого Бога, которые иногда описываются как божественные в древнееврейских источниках – как в самой Библии, так и в более поздних писаниях, относящихся ко времени жизни Иисуса и его последователей. Первая из них смоделирована на основе загадочного пассажа Писания, главы 7 Книги пророка Даниила, – личность, которая стала известной как Сын человеческий.

Сын человеческий

Книга пророка Даниила представляет собой нечто вроде иудейской версии Откровения Иоанна – книги, которая, по мнению современных фундаменталистов, содержит детальный план истории человечества вплоть до наших дней. Критически настроенные исследователи, однако, видят в ней нечто иное – книгу, написанную для своего времени и места. Предположительное время действия в Книге пророка Даниила – VI век до н. э., хотя исследователи уже давно пришли к выводу, что книга была написана не тогда, а несколькими столетиями позже, во II веке до н. э. Даниил предстает в повествовании как иудейский изгнанник, увиденный в плен в Вавилон – мировую империю, которая разрушила его родину в 586 году до н. э. В главе 7 Даниил описывает полученное им поразительное видение, в котором он видит четырех зверей, один за другим вышедших из моря. Каждый из них внушает ужас и трепет, и они производят опустошение на земле. Затем он видит «как бы Сына человеческого», идущего «с облаками небесными» (Дан 7:13). Эта фигура имеет форму не зверя, но человека, и возникает не из моря хаоса, но из царства Бога. Звери, причинившие такие разрушения на земле, преданы суду и лишены власти, а земное царство отдано «как бы Сыну человеческому».

Даниил не в состоянии разобраться в смысле видения, но к счастью – как это обычно случается в апокалиптических текстах, раскрывающих самые возвышенные небесные истины, – рядом оказывается ангел, чтобы истолковать его ему. Каждый зверь представляет одно из царств, которые, сменяя друг друга, господствовали в мире. В самом конце, после четвертого зверя, власть на земле будет передана личности, подобной человеку. Как говорит ангел, объясняя видение, царство будет отдано «народу святых Всевышнего» (Дан 7:27). Это может означать, что, подобно тому, как каждое из животных представляло одно из царств, то же относится и к «как бы Сыну человеческому». Звери – это последовательно сменявшие друг друга империи Вавилонии, Мидии, Персии и Греции, каждая из которых достигала мирового господства. Следовательно, «как бы Сын человеческий» должен олицетворять царство Израиля, которое будет восстановлено на прежнем месте и получит власть на земле. Некоторые толкователи полагали, что, поскольку звери могли также представлять царей как глав соответствующих государств, то и человекообразная фигура, возможно, является ангельским существом, стоящим во главе народа Израиля.¹¹

Однако, как бы ни понимать Книгу пророка Даниила в ее первоначальном контексте II века до н. э., очевидно, что со временем в некоторых иудейских кругах этот «как бы Сын человеческий» стал считаться будущим избавителем и судьей всей земли, который обрушит свою месть на врагов Божьих и дарует небесную награду тем, кто остался Ему верен. Эта личность стала известна, как (единственный в своем роде) «Сын человеческий». Нигде он не описывается более полно, чем в *Первой книге Еноха*, которую мы уже рассматривали выше применительно к Книге стражей (I Ен 1-36). Сын человеческий, в то же время – один из

главных персонажей в другой части окончательной редакции *Первой книги Еноха*, главах 37–71, обычно называемых также Книгой образов (или подобий).

Вокруг даты создания Книги образов ведутся споры. Некоторые исследователи относят эту часть книги к концу I века н. э., но, вероятно, большая их часть датируют ее более ранним временем, вероятно, периодом жизни самого Иисуса.¹² Впрочем, для наших целей точная дата не особенно важна. Что действительно имеет значение, так это возвышенный характер Сына человеческого. В Книге образов много говорится о величии и славе этой личности, предстающей теперь скорее как божественное существо, чем, скажем, как народ Израиля. Говорится, что «прежде чем солнце и знамения были сотворены, прежде чем звезды небесные были созданы, Его имя было названо пред Господом Духов» (1 Ей 48:2–3). Нам также сказано, что «пред Ним упадут и поклонятся все, живущие на земле». Еще до творения Сын человеческий был сокрыт пред самим Богом, но он всегда был Божьим избранником, и именно он открыл Божью мудрость святым и праведным – которые будут спасены «во имя Его», так как он «становится отмстителем за их жизнь» (48:2–7).

В конце времен, когда все мертвые будут воскрешены, именно он, «Избранник», воссядет на престоле Бога (51:3). С этого «престола славы» он будет «судить все деяния святых ангелов на небе и взвесит их поступки на весах» (61:8). Он сам вечен: «И отныне не будет там ничего тленного, ибо Он, Сын Мужа, явился» и «всякое зло исчезнет и прейдет пред Его лицом» (69:79). Он «поднимет царей и могущественных с их лож и сильных с их престолов и развяжет узды сильных, и зубы грешников сокрушит. И Он изгонит царей с их престолов и из их царств, ибо они не превозносят Его, и не прославляют Его, и не признают с благодарностью, откуда досталось им царство» (46:2–6).

В одном месте этот космический судья всей земли назван Мессией – термин, который мы рассмотрим подробнее в следующей главе. Сейчас же достаточно отметить, что этот термин происходит от еврейского слова со значением *помазанник*, которое первоначально использовалось для царя Израиля, помазанника Божьего (т. е. избранного Богом и находящегося под Его покровительством). Здесь же правитель, помазанный Богом, не простой смертный, но божество, существующее предвечно и восседающее на престоле рядом с Богом – тот, кто будет судить грешников и праведников в конце времен. Другими словами, он возвышен до статуса Бога и функционирует как божественное существо, осуществляющее правосудие Божье на земле. Это и в самом деле очень высокий статус, по сути самый высокий из возможных после самого Господа Бога. Поразительно, что позднее добавление к Книге образов, главы 70–71, идентифицирует этого Сына человеческого не с кем иным, как с Енохом. Согласно этой более поздней точке зрения, человек, простой смертный, вознесен до самого высокого статуса – рядом с Богом.¹³ И в качестве вознесенного существа Сын человеческий почитается и прославляется праведниками.

Две силы на небесах

Раньше я уже отмечал, что предписания против поклонения ангелам, разбросанные по древнееврейским текстам, предполагают, что ангелам действительно поклонялись – иначе не было бы никакого смысла запрещать подобную практику. Теперь же мы видели, что Сын человеческий также пользовался почитанием. Легко сделать вывод, что любой, восседающий рядом с Богом на престоле в Небесном царстве, достоин поклонения. Если вы готовы склониться и пасть ниц перед земным царем, тем более уместно сделать то же самое в присутствии космического судьи всей земли.

В своем интересном и убедительном исследовании Алан Сегал, специалист по раннему иудаизму, показывает, что ранние раввины были особенно озабочены точкой зрения, широко распространенной в иудейских кругах, что рядом с Богом на небесах существовала

и вторая власть на божественном престоле. Следуя источникам, Сегал называет этих двоих – Бога и другого рядом с ним – «двумя силами на небесах».¹⁴ Сын человеческий, чью личность мы только что рассмотрели, мог быть одной из таких божественных фигур, поскольку он делил статус и власть с Богом. Но, по-видимому, существовали и другие претенденты на столь высокую честь, и раввины, стремившиеся контролировать мысли и верования других иудеев, были крайне обеспокоены подобными взглядами – до такой степени, что считали нужным нападать на них. Их нападки возымели свое действие, заставив умолкнуть – в большей или меньшей степени – тех, кто этих взглядов придерживался.

Тщательный анализ Сегала показывает, что те, кто разделял «еретические» представления о двух властях, считали вторую власть либо ангелом того или иного рода, либо мистическим проявлением одного из божественных качеств, считавшимся в определенном смысле равным Богу (о чем подробнее будет сказано далее). Они придерживались этих представлений на основании их собственной интерпретации некоторых пассажей из Библии – например, тех, в которых Ангел Господень описывался как носящий имя самого Бога, или же Дан 7, со ссылкой на «как бы Сына человеческого» – личности, независимой от Бога, которой дарованы вечное владычество и царство. Есть и другие пассажи, которые могли послужить основой для доктрины двух властей, например Быт 1:26, где Бог, творя людей, говорит: «Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему». Почему Бог говорит здесь во множественном числе – «сотворим» и «Нашему»? Согласно ереси двух властей, потому что рядом с ним находилась другая божественная личность – возможно, та самая личность, которую «старейшины Израилевы» видели восседающей на божественном престоле в Исх 24:9-10. Эта личность названа «Богом Израилевым», но люди в действительности *видели* его. В другом месте той же книги Исход прямо сказано, что никто не может видеть Бога и остаться в живых (Исх 33:20). Тем не менее они видели Бога и остались в живых. Следовательно, они должны были видеть вторую власть, а не самого Бога.

Раввины второго, третьего, четвертого и последующего столетий нашей эры осуждали подобные взгляды как еретические. Но опять же сам факт, что они их осуждали, свидетельствует о том, что другие евреи их разделяли, раз раввины подвергали их таким нападкам. И вероятно, таких евреев было немало. Сегал высказывает предположение, что история этой ереси может быть прослежена вплоть до самой Палестины I столетия христианской эры и что очевидной мишенью для таких взглядов могли быть именно христиане, которые – как мы увидим – возвысили Христа до уровня Бога. Однако ереси двух властей придерживались не только христиане, но и отвергавшие христианство иудеи, на основе их интерпретации некоторых пассажей из Еврейской Библии.

Божественные ипостаси

Исследователи порой употребляют технические термины без всякого повода, за исключением тех случаев, когда исследователям полагается использовать технические термины. Так, когда я учился в магистратуре, мы часто спрашивали не без язвительности, зачем пользоваться хорошим английским словечком, когда его можно заменить непонятным латинским или немецким, означающим то же самое? Однако есть такие редкие термины, которые просто невозможно адекватно перевести в достаточно простых и понятных выражениях, и слово «ипостась» (*греч.* hypostasis, *мн. ч.* hypostases) принадлежит к их числу. Возможно, наиболее близким по смыслу термином будет *персонафикация* – но даже это слово не передает всех его оттенков, к тому же и его не часто услышишь, стоя в очереди в продуктовом магазине.

Термин *ипостась* происходит из греческого языка и прилагается обычно к сущности или содержанию той или иной вещи. В том контексте, в котором я употребляю его здесь, этот термин относится к какому-либо качеству или атрибуту Бога, который начинает вести

свое собственное существование, независимое от Бога. Представьте себе, например, что Бог мудр. Это значит, что Он обладает мудростью. А это, в свою очередь, значит, что мудрость есть нечто, чем Бог «обладает» – нечто независимое от Бога, что находится в Его владении. Если это так, то можно вообразить себе мудрость как существо, отдельное от Бога; а поскольку речь идет о мудрости Бога, последняя является своего рода божественным существом наряду с Богом, которое также находится внутри Бога и представляет собой часть Его сущности – часть того, что есть Бог.

Как выясняется, некоторые еврейские мыслители представляли себе Премудрость Божью именно так – как одну из ипостасей, как элемент Его сущности, который в одном смысле слова вел независимое от Бога существование, а в другом – полностью принадлежал Ему. Премудрость была изначально с Богом как божественная сущность и могла считаться Богом (поскольку была именно Божьей Премудростью). В древнееврейских писаниях обсуждаются и другие ипостаси, но здесь я ограничусь двумя – Премудростью и тем, что иногда рассматривалось как внешняя манифестация Премудрости, Словом Божьим (по-гречески *Logos*).

Премудрость

Мысль о том, что Премудрость могла быть божественной ипостасью – то есть одним из аспектов Бога, который существует отдельно от Бога и вместе с тем является Богом, – коренится в одном интригующем пассаже из Еврейской Библии, Притч 8. Здесь Премудрость, изображенная говорящей от первого лица, утверждает, что была сотворена Богом самой первой:

Господь имея меня началом пути Своего,
прежде созданий Своих, искони;
от века я помазана, от начала, прежде бытия земли...
Я родилась прежде, нежели водружены были горы,
прежде холмов (8:22–23, 25).

И затем, уже после того, как была сотворена Премудрость, Бог создал небеса и землю. В действительности Он сотворил все с помощью Премудрости, которая трудилась вместе с ним:

Когда Он уготовлял небеса, я была там.
Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны,
когда утверждал вверх облака,
когда укреплял источники бездны...
тогда я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день,
веселясь предлицем Его во все время,
веселясь на земном кругу Его,
и радость моя была с сынами человеческими (8:27–28, 30–31).

Бог сотворил все вещи в своей премудрости, поэтому Премудрость может рассматриваться как своего рода соучастница в творении. Более того, подобно тому как Бог вдохнул жизнь во все вещи, жизнь приходит также и через Премудрость:

Потому что, кто нашел меня, тот нашел жизнь,

и получит благодать от Господа;
а согрешающий против меня наносит вред душе своей:
все ненавидящие меня любят смерть (8:35–36).

Разумеется, можно прочесть этот пассаж, и не думая о Премудрости как о своего рода персонификации одного из аспектов Бога, существующей отдельно от Него и наряду с Ним. Это может быть просто метафорическим выражением той идеи, что мир представляет собой удивительное место и что его творение укоренено в мудром всеведении Бога, создавшего все вещи такими, какими они должны быть. Более того, если ты осознаешь премудрость, лежащую в основе творения всех вещей, и живешь в согласии с этим знанием, то будешь наслаждаться счастливым и полнокровным бытием. Однако некоторые иудейские читатели понимали этот пассаж в более буквальном смысле слова и воспринимали Премудрость как реальное существо, говорящее от своего имени – одно из проявлений Бога, существующее рядом с ним.

Эта точка зрения привела ряд еврейских мыслителей к возвеличиванию Премудрости как одной из божественных ипостасей. Нигде это не видно с большей ясностью, чем в одном из иудейских апокрифов, называемом Книгой премудрости Соломона. Данная книга приписывается самому царю Соломону – как утверждает в Библии, мудрейшему из когда-либо живших людей, – но в действительности она была написана спустя много столетий после его кончины. В особенности в главах 7–9 мы находим хвалебную песнь в честь Премудрости, которая есть «дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя... отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его» (Прем 7:26; Премудрость именуется «она» – или даже «Госпожа Премудрость» – поскольку греческое слово, означающее мудрость, женского рода); «она таинница ума Божия и избирательница дел Его» (8:4).

Здесь также говорится о том, что Премудрость «присуща была, когда Ты (т. е. Бог) творил мир» – более того, она восседает рядом с Богом на престоле (9:10). Именно Премудрость принесла спасение Израилю во время Исхода и после него, в течение всей истории народа (главы 10–11). Интересно, что Премудрость здесь совершает не только дела, которые Еврейская Библия приписывает Богу (творение, Исход), но и те, которые приписываются «ангелу Господню» – например, спасение Лота, племянника Авраама, из огня, разрушившего Содом и Гоморру в Быт 19 (10:6).

Следовательно, в определенном смысле Премудрость может рассматриваться как ангел – один из высочайших ангелов, или даже как сам Ангел Господень, однако в качестве ипостаси она представляет собой нечто иное. Это один из аспектов Бога, который, как считалось, существовал рядом с Богом, и, как Бог, был достоин прославления и почитания, подобающего самому Богу.

Слово

В некоторых отношениях самой трудной для дискуссии из всех божественных ипостасей стало Слово – или по-гречески *Logos*. Объясняется это тем, что данный термин имеет долгую, славную и сложную историю развития за пределами иудаизма в среде греческих философов. Подробное рассмотрение философских размышлений на тему Логоса потребовало бы отдельного исследования,¹⁵ но я могу сказать здесь достаточно, чтобы дать общее представление о предпосылках его использования в философских кругах иудаизма. В особенности это относится к самому знаменитому из еврейских философов древности, Филону Александрийскому (20 год до н. э. – 50 год н. э.).

Древнегреческие философы, известные как стоики, вели долгие дискуссии по поводу божественного Логоса. *Logos* означает «слово» – как единицу речи, – но это понятие могло

нести и более глубокие и тонкие коннотации и нюансы. Именно от него, по-видимому, произошло слово *логика*, и, кроме того, *Logos* может означать разумное основание или *резон* — как в выражениях «тут есть свой резон» или «эта точка зрения вполне резонна». Стоики верили, что Логос — разумное основание — был божественным элементом, пронизывающим все бытие. И действительно, во всех вещах есть своя логика, и если ты хочешь постичь этот мир — или, что еще важнее, узнать, как лучше прожить свою жизнь в этом мире, — тогда ты должен постараться понять логику, лежащую в его основе. Оказывается, это возможно, потому что Логос не только неотъемлемая часть природы, но и присутствует в нас как в разумных человеческих существах. Мы сами наделены частицей Логоса, и когда мы используем свой разум для постижения мира, мы можем его понять. Если мы понимаем мир, то можем узнать, как в нем жить. А если мы будем следовать полученному знанию, то сможем сделать наши жизни поистине гармоничными, мирными и богатыми. Но если мы не в состоянии постичь, что такое мир и как он работает, и если мы не живем в гармонии с ним, то участь наша будет плачевной, не лучше, чем у безгласных животных.

Мыслители, считавшие себя прямыми наследниками великого философа V века до н. э. Платона, развили идею Логоса в другом направлении. В платонической мысли имеет место четкое разделение между духовной реальностью и материальным миром. Но как может нечто, относящееся к сфере чистого духа, иметь контакт с тем, что сугубо материальное? Чтобы это произошло, нужно некое связующее звено, своего рода посредник, соединяющий дух и материю. Для философов-платоников Логос и есть этот посредник. Именно божественный Логос позволяет божественному взаимодействовать с небожественным, духу — с материей.

Логос присутствует и в наших физических телах, так что мы тоже можем чувствовать связь с божественным, несмотря на нашу укорененность в материальном мире. В некотором смысле дорога к счастью и полноте бытия лежит в отказе от материальных привязанностей и стремлении достичь духовных высот. Среди всего прочего это означает, что мы не должны быть слишком привязаны к телам, в которых обитаем. Мы привязываемся к ним, предаваясь плотским удовольствиям и считая эти удовольствия наивысшим благом. Однако это не так. Любое удовольствие просто заставляет нас желать большего и тем самым удерживает в материальном мире. Нам нужно выйти за пределы материального, если мы хотим обрести подлинный смысл и полноту жизни. А это означает получить доступ к Логосу Вселенной посредством той его частицы, которая находится внутри нас.

Для иудейских мыслителей, хорошо знакомых со своими писаниями, было в некоторых отношениях довольно просто связать их с соответствующими идеями платоников и стоиков. В Еврейской Библии Бог творит все через слово: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт 1:3). Процесс творения осуществляется благодаря Богу, изрекающему свое слово или Логос. Логос исходит от Бога, и поскольку он принадлежит Богу, то в определенном смысле — тоже Бог. Но едва слово изречено, оно существует независимо от Бога, как самостоятельная сущность. Последняя иногда мыслилась как личность, отдельная от Бога. Логос, таким образом, стал рассматриваться в определенных иудейских кругах как ипостась. Уже в Еврейской Библии «слово Господне» иногда идентифицировалось с самим Богом (см., например, 1 Цар 3:1, 6). В руках Филона Александрийского, глубоко проникшего в особенности платонической традиции, Логос стал ключевым фактором в понимании как Бога, так и мира.

Филон считал Логос величайшим из всех существ, образом Бога, согласно которому и которым была создана вселенная. Логос Бога в особенности служил парадигмой для сотворения людей. Легко увидеть, что здесь Логос берет на себя функции, ранее приписанные Премудрости, которая рассматривалась как создательница и устроительница всех вещей. В определенном смысле слова Логос «рожден» от Премудрости. Если мудрость — это то, чем

люди обладают внутри себя, то Логос – это внешнее проявление мудрости, когда личность изрекает слово. Таким образом, согласно этому пониманию, Премудрость дает рождение Логосу – верование, которое разделял и сам Филон. Более того, чем разум является для тела, тем Логос является для мира.

Поскольку Логос – это Логос Божий, он сам по себе божествен и может называться божественными именами. Так, Филон называет Логос «образом Бога», «Именем Бога» и «первородным Сыном» (см., например, *О сельском хозяйстве*, 51).¹⁶ В одном месте он указывает, что Бог «дарует титул «Бога» своему верховному Логосу» (*О сновидениях* 1.230). А так как Логос – это Бог, и Бог – это Бог, Филон иногда говорит о «двух богах», а в одном месте именует Логос «вторым Богом» (*Вопросы на книгу Бытие*, 2.62). Однако для Филона есть разница между «Богом» и «одним из богов» (в греческом языке между *theos* — то есть Богом, с определенным артиклем, и *theos* — то есть просто «богом», без артикля). Логос является последним.

Как божественное существо, отдельное от Бога, Логос, очевидно, напоминает Ангела Господня, уже обсуждавшегося в начале данной главы. Филон иногда прямо отождествляет Логос с Ангелом Господним (см., например, *О перемене имен*, 87, *О сновидениях*, 1.239). Когда Бог становится видимым людям, в действительности это есть проявление его Логоса. Здесь мы наблюдаем явное воздействие на Филона платонической мысли в сочетании с его собственным знанием

Писания. Бог не вступает в прямой контакт с материальным миром, но делает это через посредство своего Логоса. Бог не говорит с нами прямо, но обращается к нам через свой Логос.

Суммируя сказанное выше, для Филона Логос – бесплотное существо, независимое от Бога, но отражающее его способность к мышлению; от случая к случаю этот Логос в действительности становится божественной личностью, являющейся в человеческом облике, чтобы люди могли осознать его присутствие и взаимодействовать с ним. Это еще одно божественное существо, с одной стороны, отдельное от Бога, а с другой – являющееся самим Богом.

Люди, ставшие богами

Для тех, кто желает узнать, каким образом Иисус мог стать Богом в рамках иудаизма – религии, настаивавшей на строгом монотеизме, – еще более важными представляются тексты, в которых не только ангелы, ипостаси и другие божественные сущности, но и люди могут называться Богом. Оказывается, подобные пассажи можно встретить даже в самой Библии. Точно так же, как в языческих кругах император считался одновременно сыном бога и, в некотором смысле, самим богом, так и в древнем иудаизме царь Израиля считался одновременно Сыном Божиим и – как это не удивительно – самим Богом.

Царь Израиля

Нет ничего спорного в утверждении, что царь Израиля мыслился находящимся в уникально близких отношениях с Богом и в этом смысле слова рассматривался как Сын Божий. Эта точка зрения встречается повсюду в Еврейской Библии. Ключевой пассаж появляется во 2 Цар 7. К этому моменту в повествовании Израиль уже имел двух царей: один из них – Саул, отношение к которому рассказчика весьма неоднозначно, а другой – великий царь золотого века Израиля, Давид. Несмотря на многочисленные добродетели Давида, у него имелось и немало пороков, и поэтому, когда он выразил желание построить Богу храм, Бог не дал ему разрешения. Предыстория этого события сводится к тому, что с дней Исхода, имевшего место двумя столетиями раньше, Израиль совершал свое служение Богу в переносном святилище – огромной палатке, или скинии. Теперь же, когда народ Израиля прочно обосновался на Земле Обетованной, Давид хочет построить постоянное обиталище, «дом» для Бога. Однако Бог отвечает ему отказом. Вместо этого Он сам устроит (метафорически) «дом» Давиду. У Давида родится сын (имеется в виду Соломон), который и построит храм Богу, и от этого сына Бог воздвигнет «дом» – то есть династию – Давиду. Более того, этот сын Давида будет избран Богом и признан им в качестве собственного приемного сына: «Я восставлю после тебя семья твою, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2 Цар 7:12–14).

Идея, что Бог берет царя в качестве приемного сына, согласуется с другими случаями использования выражения «Сын Божий» в Еврейской Библии. Мы же видели, что ангельские существа, члены божественного совета, были названы сынами Всевышнего. Эти божественные существа находились в особенно близких отношениях с Богом в качестве Его советников, слуг и посланников – даже если некоторые из них порой впадали в немилость, как в том коротком эпизоде из Быт 6. Более того, сам народ Израиля иногда назывался «сыном» Бога, как в Ос 11:1 – «Из Египта вызвал (Я) сына Моего». Здесь, опять же, Израиль именуется «сыном» Бога потому, что находится в уникально близких отношениях с Богом и таким образом представляет собой объект его особенной любви и благоволения; более того, именно через посредничество Израиля Бог осуществляет свою волю на земле.

То же относится и к царю, который, находясь во главе народа Израиля, имеет статус «Сына» Бога в еще более частном смысле слова. В Пс 88/89, где псалмопевец говорит о том, что Давид был помазан Богом (то есть в прямом смысле слова помазан маслом в знак особого благоволения Бога, стих 21), царь называется «первенцем» Бога, стоящим «превыше царей земли» (стих 28). Еще более примечателен Пс 2, в котором Бог обращается к царю – предположительно во время церемонии коронации, когда он получал помазание елеем – со словами: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (стих 7). В данном случае царь не просто усыновлен Богом, но в действительности *рожден* от Бога. Сам Бог вызвал его к жизни.

Сын человека – человек, точно так же, как сын пса – пес, а сын кота – кот. В таком случае кто же тогда сын Бога? К удивлению многих невнимательных читателей Библии, оказывается, что в ней есть пассажи, прямо ссылающиеся на царя Израиля как на божественное существо, как на Бога.

Специалист по Еврейской Библии Джон Коллинз указывает на то, что это представление, судя по всему, восходит к египетским взглядам на фараона как на божество.¹⁷ Даже в Египте, где фараон был богом, это не означало, что он стоял на одной ступени с великими богами – не в большей степени, чем римский император считался равным Юпитеру или Марсу. Но, тем не менее, он был богом. Как мы уже видели, и в египетских, и в римских кругах существовали разные уровни божественности, и то же самое относится к еврейским кругам. Так, мы встречаем описания царя Израиля в чрезвычайно возвышенных терминах, которые могут поразить читателя, привыкшего думать – на основе образа мышления, получившего развитие с IV века христианской эры, – что между Богом и людьми существует непреодолимая пропасть. Тем не менее даже здесь, в самой Библии, царь назван Господом и Богом.

Возьмем, к примеру, Пс 109/110:1: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих». Первый термин, переводимый как «Господь» и обычно печатающийся в английских изданиях Библии заглавными буквами – это еврейское имя Бога YHWH, часто произносимое как Яхве. Четыре буквы, составляющие это имя, в традиционном иудаизме считались настолько священными, что никогда не произносились вслух (и не произносятся до сих пор). Иногда они называются *Тетраграмматон* (греч. «четыре буквы»). Второй же, тоже переведенный как «Господь», соответствует другому слову, *adn* (= *adonai* или *adoni*), которое было обычным обозначением для Господа Бога, но также могло использоваться, например, рабом при обращении к своему господину. Поразительно то, что YHWH обращается к «Господу моему» со словами «седи одесную Меня». Любое существо, восседающее на престоле рядом с Богом, разделяет славу, честь и поклонение, подобающие самому Богу. Здесь не возникает вопроса об идентичности или абсолютном равенстве – царь, восседающий «одесную» (по правую руку) Бога, все же не сам Бог. Это очевидно следует из следующих стихов: Бог поразит врагов царя за него и положит их к его ногам. Однако он сделает это для того, кого превознес до уровня своего собственного престола. Царь предстает здесь как божественное существо, живущее в присутствии Бога, превыше всех прочих творений.

Еще более поразительный текст – Пс 44/45:7–8, где к царю обращаются в необычайно возвышенных выражениях, как к Богу:

Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты —
 жезл царства Твоего.
 Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие,
 посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости
 более соучастников Твоих.

Очевидно, что тот, к кому здесь обращаются «Боже» (*Elohim*) – не Бог Всемогущий, но царь. Это следует из сказанного ниже: Бог Всемогущий – Бог царя, помазавший его елеем (маслом), что представляло собой обычный ритуал во время коронации. Итак, сам Бог помазал царя и превознес его над всеми прочими, вплоть до уровня божества. Царь – в определенном смысле слова – Бог. Очевидно не равный Богу Всемогущему (ибо разделение даже здесь проведено четко), но, тем не менее, Бог.

Еще более удивительный пример приводится в Книге пророка Исайи, глава 9, где прославляется дарование народу нового царя. Любой, кто знаком с *Мессией* Генделя, без труда

узнает слова, но, в отличие от Генделя, этот пассаж из Исаяи имеет отношение скорее не к рождению царя как таковому, но к его рождению как сына Божьего – то есть, другими словами, к его коронации. Во время коронации «младенец» дается народу – то есть царь становится «Сыном» Бога. Но самое примечательное то, что говорится об этом царе далее:

Ибо младенец родился нам – Сын дан нам;
владычество на раменах Его,
и нарекут имя Ему: Чудный, Советник,
Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира.
Умножению владычества Его и мира нет предела
на престоле Давида и в царстве его (Ис 9:6–7).

То, что этот пассаж ссылается на царя Израиля, становится ясным из последнего стиха. Речь идет о царе из династии Давида; большинство исследователей полагают, что это современник пророка Исаяи, царь Езекия. Он назван «Сыном» Бога, наделенным огромным авторитетом, который принесет вечный мир. Однако эта личность не отождествляется с Богом Всемогущим, ибо его владычество будет постепенно «умножаться», а ведь трудно представить себе Бога не обладающим окончательным, безусловным и непререкаемым владычеством с самого начала. Тем не менее эпитеты, отнесенные к царю, и впрямь поразительны. Он назван «Богом крепким» и «Отцом вечности». Как сын Бога он превознесен на уровень Бога и разделяет его статус, власть и могущество – до такой степени, что он сам может быть назван Богом.

Моисей как Бог

Интересно отметить, что в древнееврейских не только царь Израиля, хотя и бывший обычным человеком, наделялся божественным статусом и удостоивался титула «Бог», но и великий спаситель и законодатель народа, Моисей. Корень этой традиции следует искать в самом Пятикнижии, или Торе, в интригующем пассаже из Исх 4. Бог поручает Моисею отправиться к египетскому фараону и потребовать от него освободить поработенный народ Израиля. Моисей сначала противится приказаниям Бога, утверждая, что он – не искусный оратор: «Я тяжело говорю и косноязычен» (Исх 4:10). Бог не принимает его оправданий: Он сам «дает уста человеку». Моисей продолжает сопротивляться, и тогда Бог, наконец, предлагает компромисс: брат Моисея, Аарон, будет сопровождать его и говорить за него все то, чему его научит Моисей. И далее Бог делает следующее поразительное заявление: «И будет говорить он (Аарон) вместо тебя к народу; итак он будет твоими устами, а ты будешь ему вместо Бога» (Исх 4:16). Здесь Моисей хотя и не приравнивается прямо к Богу, но, как сказано, возьмет на себя *функции* Бога. Именно он будет доносить до Аарона весть от Бога, которую тот передаст фараону, и в этом смысле станет для него «вместо Бога».

Некоторые евреи более позднего времени развили эту идею дальше, утверждая, что Моисей сам был, по сути, божеством. Самое очевидное выражение этой точки зрения содержится в трудах уже упомянутого выше Филона Александрийского. Филон, как мы видели, глубоко проникся греческой философской мыслью и стремился в особенности показать, как иудейское писание, если его должным образом истолковать при помощи аллегории или образов, представляет и подкрепляет собой учения выдающихся греческих философов (или, вернее, как эти учения греческих философов уже обнаруживаются в Еврейской Библии). Иудаизм для Филона представлял собой все лучшее, чему когда-либо учили величайшие мыслители мира.

Филон был необычайно плодовитым писателем, и до нас дошли многие его произведения, включая биографию Моисея, восхвалявшую великого законодателя евреев как высокообразованного и проницательного человека. В этой и в других своих работах Филон превозносит как самого Моисея, так и глубоко философский в своей основе Закон, который он провозглашал. Для Филона Моисей был «величайшим и совершеннейшим из всех когда-либо живших людей» (*О жизни Моисея*, 1.1). Интерпретируя приведенный выше пассаж, Исх 4:16, Филон указывает на то, что Моисей казался другим божеством – хотя и не был Богом по своей сути (*О том, что худшее склонно нападать на лучшее*, 161–162). Здесь Филон играет с идеей, что существует несколько уровней божественности. По сути, он считает, что Моисей в течение всей своей жизни постепенно становился божественным (*О жертвоприношениях Авеля и Каина*, 9-10). Поскольку Моисей был пророком и другом Бога, «из этого следует, что он естественным образом воспринял часть самого Бога и Его владений в той мере, в какой имел в них нужду» (*О жизни Моисея*, 1.156). Вот почему некоторые люди задавались вопросом, обладал ли Моисей обычным человеческим рассудком или, скорее, «божественным разумом» (*О жизни Моисея*, 1.27).

В Еврейской Библии Моисей получает Закон непосредственно из рук Бога, ибо лишь он один восходит на гору Синай для беседы с Богом (Исх 19–20). Филон полагал, что поскольку Моисей был удостоен созерцать Бога, он также «наслаждался еще более близким общением с Отцом и Создателем всей вселенной» (*О жизни Моисея*, 1.158). В результате Моисей становится наследником Бога: он должен получить в свое наследие «весь мир» (*О жизни Моисея*, 1.157). Более того, несмотря на то что Моисей не был Богом Всемогущим, он, согласно Филону, «назван богом и царем всего народа» (*О жизни Моисея*, 1.158). Здесь, как мы видим, Моисей именуется точно так же, как царь Израиля, и, в совершенно ином контексте, римский император: богом.

Подобно другим людям, пользовавшимся исключительным благоволением Бога и находившимся с ним в особо близких отношениях – до такой степени, что сам Моисей мог в определенном смысле считаться божественным, – в конце жизни Моисей был вознесен Богом на небо и наделен бессмертием: «Когда он уже готов был оставить этот мир и отправиться на небеса, чтобы обрести там свое жилище, и покинуть эту смертную жизнь, чтобы стать бессмертным, Отец, призвавший его, изменил его из двойственного существа, состоящего из духа и плоти, в единый по природе организм, преобразив его полностью в сияющий, подобно солнцу, разум» (*О жизни Моисея*, 2.228).

Или, как с еще большей выразительностью утверждает Филон в другом месте: «Отринув и оставив позади все смертные узы, он был преображен в божество, чтобы все люди могли войти в Божью семью и стать поистине божественными» (*Вопросы на книгу Исхода*, 3.29). Здесь, опять же, мы видим близкий еврейский аналог тому, что уже встречали в языческих источниках: могущественный, мудрый и великий человек вознагражден после своей жизни, будучи причислен к богам. Временами Филон заходит даже дальше и изображает Моисея в виде предвечного божественного существа, которое время от времени спускается на землю: «И даже поселив (Моисея) среди тварей земных и дав ему общаться с ними, Господь не наделил его обычной добродетелью правителя или царя, но поставил его богом, подчинив ему и отдав в рабство всю область телесную и предводителя ее – ум» (*О жертвоприношениях Авеля и Каина*, 8-10).

Божественные мужи в иудаизме

Возможно, для читателей не было большим сюрпризом узнать, что язычники, придерживавшиеся самых разнообразных политеистических верований, полагали, что люди могут в определенном смысле становиться богами. Гораздо удивительнее для большинства людей открытие, что то же самое представляет собой истину и для иудаизма. Совершенно справедливо, что ко времени Иисуса и его последователей иудеи почти наверняка придерживались монотеизма. Однако хотя они и верили в Единого и Всемогущего Бога, широкими кругами допускалось наличие и других божественных существ – ангелов, херувимов, серафимов, властей, господств, ипостасей. Более того, имело место ощущение некоей преемственности – а не только разрыва – между божественной и человеческой сферами. И еще существовал своего рода диапазон божественности: Ангел Господень уже в писании мог представлять и как ангел, и как Бог. Ангелы были божественными существами, которым могли поклоняться, но иногда являлись на землю в человеческом облике. Люди могли становиться ангелами, называться «Сын Божий» или даже «Бог». Это не означало, что они стояли наравне с единым Богом, сотворившим небо и землю, но что они могли делить с единым Богом некоторую часть его власти, статуса и могущества.

Таким образом, даже внутри строгого монотеизма могли присутствовать другие божественные существа, а также возможность наличия различных уровней божественности. И даже среди еврейских современников Иисуса не было ощущения полного разрыва, четкого разделения, непреодолимой пропасти между божественным и человеческим. Итак, если кто-то желает узнать, мог ли ангел считаться богом, нужно только спросить – «в каком смысле?» То же самое относится к людям. Если кто-либо – будь то царь или Моисей, или Енох, или Сын человеческий – считался Богом, требуется объяснить, в каком смысле слова это справедливо. Шла ли речь о человеке, признанном Богом в качестве приемного сына? Рожденном от смертной благодаря божественному вмешательству? Превращенном в ангела? Возвышенном до престола Бога, чтобы стать его соправителем? Или о чем-то ином?

Нам придется задать все эти вопросы, рассматривая раннехристианские взгляды на личность Иисуса. Да, утверждаю я, после смерти Иисуса вера в его воскрешение привела некоторых из его последователей к утверждению, что он был Богом. Но в каком смысле? Или, вернее, в каких *смыслах* (во множественном числе) – поскольку, как мы увидим, разные группы ранних христиан подразумевали под этим разные вещи.

Но, прежде чем мы приступим, нам нужно остановиться подробнее на человеке Иисусе – историческом Иисусе. Считали ли его последователи божественным, пока он странствовал по пыльным дорогам Галилеи? И что на этот счет думал он сам?

Глава 3

Считал ли Иисус себя богом?

Когда я посещал Библейский институт им. Дуайта Муди в середине 1970-х годов, от каждого студента в каждом семестре требовалось выполнять ту или иную работу в рамках христианского служения. Как и большинству моих однокурсников, мне не хватало для такой работы ни знаний, ни опыта, но, как мне думается, сам Муди верил в возможность обучения прямо на месте. Итак, в одном из семестров мы должны были посвящать два-три часа в неделю евангельской проповеди «от одного дома к другому», пытаюсь с ходу обратить людей – фундаменталистская версия миссионерской деятельности у мормонов, которую мы также проводили по двое. В другом семестре я работал ночным консультантом на христианской радиостанции Муди. Люди звонили мне, задавая вопросы относительно Библии или различных событий в их жизни, а я должен был ответить на все – будучи всего лишь восемнадцатилетним от роду. Затем я один день в неделю служил капелланом при госпитале графства Кук. Эта работа оказалась мне совсем не по плечу.

Позже, когда я учился на старших курсах, мой товарищ по комнате Билл и я решили, что хотим начать свое служение в качестве молодых пасторов при какой-нибудь церкви. Благодаря институту им. Муди мы сумели устроиться в превосходной церкви в Оук-Лоне, южном пригороде Чикаго. Это была церковь Троицы, принадлежавшая Евангелической церкви завета – небольшой деноминации, возникшей как шведское пиетистское движение, отколовшееся от лютеранства.

Билл и я ходили в церковь каждую среду и субботу по вечерам, а по воскресеньям – на целый день, занимаясь тем, чем обычно занимаются молодые пасторы – вели молитвенные группы, уроки Библии, различные светские мероприятия, ретриты и тому подобное. Билл делал это в течение года, я же оставался там в течение двух моих последних лет в Уитонском колледже, а в общей сложности провел в этой церкви три года. Там была замечательная группа подростков (учащихся средней школы и колледжа). Я до сих пор вспоминаю те дни с большой теплотой.

Пастор этой церкви был человеком глубоко верующим, мудрым и энергичным, динамичным проповедником и настоящим пастырем человеческих душ. Его звали Эван Горансон, и в течение всех трех лет он был моим наставником, обучая меня всем тонкостям христианского служения. Моей единственной проблемой с пастором Горансоном было то, что, на мой взгляд, он был уж слишком либерален. (В те дни даже Билли Грэм показался бы мне слишком либеральным.)

В качестве служителя пастор Горансон, бесспорно, был одним из добрейших людей на планете, и его гораздо больше заботила помощь людям в нужде (а таких всегда много в любое время в любой церкви), чем мелочные споры по поводу религии. Однако, по сути, он придерживался весьма традиционных, консервативных богословских взглядов.

Годы спустя, когда я работал над получением ученой степени в Принстонской семинарии, эта форма традиционного богословия перестала меня удовлетворять, и у меня возникли вопросы относительно некоторых из фундаментальных аспектов веры, включая вопрос о божественности Иисуса. За эти годы я уже успел заметить, что в Новом Завете Иисус нигде или почти нигде прямо не назван Богом. Я понял, что некоторые из авторов Нового Завета отнюдь не приравнивают Иисуса к Богу. На меня произвело впечатление то обстоятельство, что высказывания Иисуса, в которых он утверждает, что равен Богу, встречаются только в Евангелии от Иоанна, самом позднем и богословски насыщенном из четырех евангелий. Если бы Иисус действительно на каждом шагу называл себя Богом, неужели другие еванге-

лия хотя бы не отметили столь важный факт? Или их авторы решили обойти этот вопрос стороной?

Мучительно пытаюсь преодолеть эти богословские сомнения, я вернулся в Чикаго, чтобы посетить церковь Троицы и пастора Горансона. Я очень живо помню тот момент. Мы ехали в его автомобиле, и я начал рассказывать ему о своих сомнениях по поводу Библии и всего того, что я раньше считал святой святых.

Он слушал меня с сочувствием, поскольку всегда был куда большим либералом и куда меньшим доктринером. Его точка зрения состояла в том, что нам просто следует держаться основ. Он напомнил мне, что сказал Иисус: «Я – путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу иначе, как чрез Меня» (Ин 14:6). И это все, что имело значение.

Тогда я спросил его: «Но что, если Иисус никогда не говорил этих слов?» Горансон был ошеломлен и захвачен врасплох, и, так как он и впрямь был хорошим пастором, к глазам его подступили слезы. Мне больно было это видеть, но что я мог поделать? Ты не можешь верить во что-либо только потому, что кто-то отчаянно желает, чтобы ты в это верил.

Вопрос, поставленный в этой главе, как раз и заключается в том, действительно ли Иисус говорил эти слова? Или же они были приписаны ему позже? Утверждал ли он, что сошел с небес и является единственным, кто может привести людей назад к Отцу? Говорил ли он о себе как о предвечном? Или что он равен Богу? Если да, у его последователей имелись веские причины делать то же самое – ибо сам Иисус их этому учил. Но если он не заявлял, что он – Бог, нам нужно будет найти другое объяснение, почему его последователи стали делать это после его смерти.

Исторический Иисус: проблемы и методы

Исчерпывающее исследование на тему исторического Иисуса потребовало бы от нас не только целой книги, но скорее даже серии книг, вроде объемного и впечатляющего исследования в четырех томах (с продолжением), опубликованного специалистом по Новому Завету и профессором университета Нотр-Дам Джоном Мейером, «Маргинальный еврей». Для тех, кто предпочитает более короткое знакомство с предметом, есть моя книга «Иисус: апокалиптический пророк нового тысячелетия», а также превосходные труды таких столпов науки, как Э.П. Сандерс, Геза Вермеш, Дейл Аллисон, Паула Фредриксен и многих других.¹ Все эти книги во многом разнятся друг от друга, не в последнюю очередь потому, что их авторы отличаются по своим религиозным убеждениям (или отсутствию таковых), характеру, происхождению и образованию. Однако они сходятся в одном: Иисус во время своего земного служения не объявлял себя божеством.

Причина, по которой мы нуждаемся в книгах такого рода, заключается в том, что евангелия просто не могут приниматься на веру, как дающие исторически надежное свидетельство о словах и делах Иисуса. Если бы евангелия представляли собой род заслуживающих доверия биографий, описывающих жизнь Иисуса такой, какой она была на самом деле, то тогда почти не было бы необходимости в библеистике, которая делает упор на знание древних языков (еврейского и греческого), подчеркивает важность исторического контекста жизни Иисуса в Палестине I века н. э., а также придерживается мнения, что полное понимание подлинного характера евангелий как исторических источников фундаментально важно для любой попытки установить, что в действительности говорил и делал Иисус. Нам было бы достаточно просто прочесть

Библию и принять все описанное в ней за реально происходившие события. Разумеется, именно такого подхода к Библии придерживаются фундаменталисты. И это одна из причин, почему вы не встретите фундаменталистов на переднем крае критической науки.

В нескольких коротких параграфах я хочу объяснить, почему критически настроенные исследователи думают иначе и какие именно подходы к изучению евангелий они отстаивают в свете того обстоятельства, что Новый Завет не дает нам стенографически точной записи слов Иисуса или идеальной картины его жизни.

Проблемы с евангелиями

Первое, что необходимо подчеркнуть – если мы хотим узнать о любом персонаже прошлого, нам нужно иметь источники информации. Это может показаться очевидным, но по какой-то непонятной причине, как только речь заходит об Иисусе, люди, как кажется, склонны думать, что они просто знают, кем он был, что говорил или что делал – как если бы они получили эти сведения путем односторонней диффузии из окружающей среды. В действительности, однако, все, что вы знаете (или думаете, что знаете) об Иисусе, происходит из какого-либо источника – либо кто-то вам рассказал, либо вы прочли то, что кто-то о нем написал. Но откуда эти люди взяли эти сведения, что делает их авторитетами и почему вы должны полагать, что они правы? Любой рассказ об Иисусе (как и о любом другом историческом персонаже) либо исторически точен (т. е. он действительно это сказал или сделал), либо выдуман, либо представляет собой сочетание того и другого. И единственный способ выяснить, исторически точна ли та или иная подробность жизни Иисуса, – это тщательное исследование наших источников информации. Источники, доступные вам, мне или вашему преподавателю в воскресной школе, одни и те же. Истории об Иисусе циркулировали в устной или в письменной форме еще со времен его жизни и смерти. Очевидно, что рассказы,

впервые вошедшие в оборот год назад или сто лет назад, представляют собой выдумку. Что нам требуется – если мы хотим получить исторически надежный отчет – так это источники, которые могут быть прослежены вплоть до эпохи самого Иисуса. Нам нужны древние источники.

Такие источники у нас, конечно, есть, но они не настолько древние, как нам того хотелось бы. Самый ранний из христианских авторов – это апостол Павел, писавший двадцать – тридцать лет спустя после смерти Иисуса. Несколько его посланий вошли в Новый Завет. Возможно, были и другие авторы до Павла, но ни один из их трудов не сохранился. Проблема с Павлом состоит в том, что он не знал Иисуса лично и говорит очень немного о его деятельности, учении или опыте. Иногда я даю моим студентам задание внимательно прочитать все послания Павла и выписать все, что, по словам апостола, говорил и делал Иисус. Мои студенты обычно удивлены, обнаружив, что для списка им более чем достаточно одной каталожной карточки размером три на пять дюймов. (Павел, кстати, нигде не упоминает о том, что Иисус объявлял себя божеством.)

Следующие по времени из ранних источников информации об историческом Иисусе – это евангелия Нового Завета. Как выясняется, они же стали нашими лучшими источниками – лучшими не потому, что входят в Новый Завет, а потому, что они самые ранние из дошедших до нас повествований о жизни Иисуса. Но, несмотря на то, что они – лучшие из доступных источников, они далеко не так хороши, как мы могли бы надеяться. Тому есть несколько причин.

Для начала отметим, что они не были написаны очевидцами. Мы называем эти книги евангелиями от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, поскольку они названы по имени двух земных последователей Иисуса – Матфея, сборщика податей, и Иоанна, возлюбленного ученика, а также двух ближайших спутников других апостолов – Марка, секретаря Петра, и Луки, сопровождавшего Павла в его странствиях. Но в действительности эти книги были написаны анонимно – их авторы нигде себя не называют – и находились в обращении десятилетия, прежде чем их решили приписать указанным личностям. Первая уверенная атрибуция этих книг указанным авторам датируется столетием спустя после их написания.

Есть веские основания полагать, что ни одна из этих атрибуций не верна. С одной стороны, как мы узнаем из самого Нового Завета, последователи Иисуса были необразованными палестинскими евреями из низших слоев общества, говорившими на арамейском языке. Такие люди едва ли могли написать подобные книги. Авторами их были высокообразованные грекоязычные христиане последующего поколения. Вероятно, они писали уже после того, как все (или почти все) ученики Иисуса умерли, – в другой части мира, на другом языке и в другое, более позднее, время. Не составляет тайны, зачем более поздним христианам понадобилось утверждать, будто их авторы были спутниками Иисуса или, по крайней мере, связаны с апостолами: такие заявления придавали этим рассказам необходимый авторитет в глазах людей, желающих узнать, каким в действительности был Иисус.

Исследователи обычно датируют евангелия Нового Завета последними десятилетиями I столетия н. э. Большинство из них сходятся в том, что Иисус умер около 30 года н. э. Евангелие от Марка было написано первым, вероятно, около 65–70 годов н. э.; евангелия от Матфея и Луки появились примерно 15–20 лет спустя, скажем, в 80–85 годах н. э., а Евангелие от Иоанна – самым последним, около 90–95 годов н. э. Что действительно важно, так это временной промежуток, имевший место между этими датами. Самый ранний из дошедших до нас источников, повествующих о жизни Иисуса, был написан спустя 35–40 лет после его смерти. Самое же позднее из канонических евангелий возникло только спустя 60–65 лет после его смерти. Очевидно, что это довольно большой срок.

Если авторы не были очевидцами событий, не жили в Палестине и даже не говорили на том же языке, что и Иисус, откуда же они тогда брали свою информацию? Опять же на этот

счет среди критически настроенных исследователей существует мало разногласий. После распятия Иисуса его последователи уверовали в то, что он был воскрешен из мертвых, и взяли на себя миссию обратить людей в свою веру – а именно, что смерть и воскресение Иисуса были смертью и воскресением Мессии Божьего и что через веру в его смерть и воскресение человек обретает вечную жизнь. Раннехристианские «свидетели» Иисуса должны были убедить людей в том, что Иисус действительно был посланным от Бога Мессией, и с этой целью должны были рассказывать – и рассказывали – истории о нем. Они рассказывали о том, что случилось в конце его жизни – распятии, пустой гробнице и последующих явлениях живым его последователям. Они также рассказывали и о его жизни до этих последних событий – его учении, чудесах, которые он совершал, его спорах с еврейскими властями, аресте, суде и так далее.

Эти истории начали циркулировать. Любой человек, ставший последователем Иисуса, мог рассказывать их – и делал это. Например, обращенный мог поделиться рассказами со своей женой; если та обращалась в веру, она могла поделиться ими с соседкой; та, в свою очередь – со своим мужем; муж мог отправиться по делам в другой город и рассказать своему торговому партнеру, партнер – своей жене, а та – соседке... и так далее, и так далее. Передаваемые из уст в уста рассказы были единственным способом коммуникации в те дни, задолго до появления средств массовой информации, общенационального телевидения и даже сколько-нибудь значительного уровня грамотности (в ту эпоху только около 10 процентов населения умели читать и писать, так что коммуникация была по большей части устной).

Но кто же в таком случае рассказывал эти истории об Иисусе? Только апостолы? Нет, не они одни. Только люди, получившие полномочия от апостолов? Нет, никоим образом. Только люди, тщательно проверившие все факты, чтобы убедиться в том, что они не изменили ни одну из историй, но лишь воспроизвели то, что действительно случилось и именно так, как это случилось? Но как они могли это сделать? Истории передавались из уст в уста, год за годом, десятилетие за десятилетием, среди множества людей в разных частях мира, говоривших на разных языках, и не существовало никакого способа проконтролировать, что один из них сообщал другому относительно слов и дел Иисуса. Каждый знает, что обычно происходит с историями, циркулирующими подобным образом. Меняются детали, изобретаются новые эпизоды, события предстают в преувеличенном виде, впечатляющие повествования становятся еще более впечатляющими, и так далее.

В итоге неизвестный автор – назовем его, скажем, Марк в Риме – услышал эти истории в своей церкви и записал их. Спустя десять или пятнадцать лет другой автор в другом городе прочел рассказ Марка и решил написать свой собственный, основанный отчасти на тексте Марка, а отчасти на историях, которые он сам слышал в своей общине. И таким образом появились евангелия.

Это те самые евангелия, которые мы имеем сейчас. В течение более чем трех столетий специалисты изучили их вплоть до мельчайших деталей, и одним из твердо установленных результатов этого кропотливого исследования стала уверенность в том, что евангелия содержат многочисленные расхождения, противоречия и исторические проблемы.² Почему это так? Вероятно, тут более уместен вопрос: «А как могло быть иначе?» Разумеется, евангелия содержат неисторическую информацию, а также рассказы, которые с течением времени были изменены, преувеличены или приукрашены. Эти книги не содержат слова человека, сидевшего у ног Иисуса и делавшего заметки. Ничего подобного! Эти книги были написаны с намерением сообщить «благовую весть» об Иисусе (само слово *евангелие* означает «благовую весть»). То есть их авторы были лично заинтересованы не только в том, о чем они рассказывали, но и в том, как они об этом рассказывали. Они стремились проповедовать Иисуса. Они не пытались дать биографическую информацию, которая могла бы выдержать тщательный разбор со стороны критически настроенных исследователей, живших два тысячелетия спу-

стя и разработавших совершенно иные стандарты для написания исторической работы или *историографии*. Они писали для своего собственного времени и пытались убедить людей в истине – как они сами ее понимали – относительно Иисуса. Они основывали свои истории на том, что сами слышали и читали. А то, что они читали, основывалось на том, что слышали другие авторы. В конечном счете все восходит к устной традиции.

Некоторые люди сегодня утверждают, будто культуры, укорененные в устной традиции, намного внимательнее следят за тем, чтобы их предания, по мере того, как они рассказываются и пересказываются, не подвергались значительным изменениям. Однако на проверку это оказывается еще одним современным мифом. Антропологи, изучавшие устные культуры, знают, что верно как раз противоположное. Только представители письменных культур озабочены точным воспроизведением фактов «как они есть» – именно потому, что в письменных культурах возможно обращение к источникам, чтобы выяснить, не внес ли кто-нибудь изменений в историю. В устных же культурах, напротив, обычно ожидается, что истории в действительности будут подвергаться изменениям – они меняются всякий раз, когда рассказчик излагает ту или иную историю в новом контексте. Новый контекст требует и нового способа передачи предания. Поэтому представители устных культур с исторической точки зрения не видят никаких проблем в том, что по мере того как рассказы передаются из поколения в поколение, в них вносятся изменения.³

Разумеется, то же самое относится и к расхождениям, приукрашиваниям, вымышленным историям и историческим проблемам в евангелиях. А это означает, что их нельзя принимать на веру, как дающие нам исторически точные повествования о реальных событиях. Означает ли это, что евангелия совершенно бесполезны в качестве исторических источников? Нет, но это означает, что мы должны использовать строгие научные методы, помогающие нам исследовать книги, написанные с *одной* целью – проповедовать «благовест» об Иисусе – чтобы достичь *другой* цели: понять, что в действительности говорил и делал Иисус.

Методы

Здесь я могу привести лишь краткий обзор методов, разработанных исследователями Нового Завета для работы с источниками, имеющимися в их распоряжении. Должен подчеркнуть, что евангелия, по сути, – наши единственные серьезные источники.⁴ Мы не располагаем никакими рассказами об Иисусе из греческих или римских (языческих) источников I века н. э., и даже имя его упоминается лишь спустя восемьдесят и более лет после его смерти. Среди еврейских нехристианских источников мы имеем только два коротких комментария иудейского историка Иосифа Флавия. Есть и другие евангелия за пределами Нового Завета, но все они были написаны значительно позже новозаветных евангелий и, как правило, носят сугубо легендарный характер. Среди них присутствует пара евангелий, которые могут снабдить нас некоторой дополнительной информацией – в частности, *Евангелие от Фомы* и *Евангелие от Петра* – но в конечном счете и они дают нам крайне мало. Поэтому нам придется в большей или меньшей степени опираться на четыре евангелия.

Практически все согласны с тем, что хотя эти четыре канонических евангелия представляют целый ряд проблем в качестве источников о жизни исторического Иисуса, они, тем не менее, содержат некоторые исторически точные воспоминания о том, что он говорил, делал и испытывал, несмотря на все приукрашивания и изменения. Вопрос заключается в том, как извлечь эту исторически точную информацию из-под слоя позднейших домыслов и редактур.

Исследователи уже установили, что некоторые из наших письменных источников независимы друг от друга – то есть они заимствовали все или некоторые из своих историй из не связанных друг с другом потоков устной передачи. Например, широко распространено

мнение, что Евангелие от Иоанна не полагается на информацию, содержащуюся в трех других евангелиях. Эти три Евангелия, от Матфея, Марка и Луки, называются *синоптическими евангелиями* из-за своего сходства друг с другом. Словно *синоптический* значит «увиденный вместе»: их можно поместить параллельными колонками на одной и той же странице и рассматривать вместе, поскольку они содержат много похожих историй, обычно в той же самой последовательности и часто в тех же самых словах. Это почти наверняка произошло потому, что их авторы копировали друг друга, или – как в том убеждены почти все исследователи – двое из них, Матфей и Лука, копировали более ранний текст Марка. Именно у Марка Матфей и Лука позаимствовали большую часть своих историй. Но у них есть и другие общие пассажи, не встречающиеся у Марка, большая часть которых представляет собой изречения Иисуса. Еще в XIX веке исследователи выдвинули веские доводы в пользу того, что Матфей и Лука имели в своем распоряжении другой источник, который и содержал отсутствующие у Марка пассажи. А так как этот источник состоял преимущественно из изречений (или логий), эти исследователи (немецкие) назвали его *Источником изречений*. На немецком языке источник – Quelle, поэтому специалисты сегодня говорят о «Q» – утраченном источнике, из которого Матфей и Лука заимствовали значительную часть своего материала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.